

АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ

КОРОЛЕВСКИЙ ИНЖЕНЕР

Annotation

Двадцать лет назад Юг страны заявил о неподчинении Трону, и благодатные земли процветающей Пеллии охватило безумие войны. На стороне Претендентов оказались не только предатели-аристократы, но и самое мерзкое отребье, греющее руки на чужой крови. Рушились города, пылали селенья, озверевшие бандиты уничтожали всех, кто оказался на их пути. Судьба королевского инженера Арвела Хаддена отвела ему решающую роль в последних сражениях затянувшегося противостояния. Талантливый изобретатель со своими отважными соратниками в самой грозной ситуации совершал то, что назвать можно было только чудом...

Алексей Бессонов

Королевский инженер

© Бессонов А. И., 2017 © Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

Когда пробьют часы

Зима в тот год была обильна дождями, а весеннее солнце пришло много позже обычного. Миновал уже день Дайен, богини злаков, и землепашцы острова Ленц, по колена утопая в грязи, бродили по своим полям, с ненавистью глядя на юг, который все держал при себе ветры, приносящие тепло, так необходимое для начала посевной.

Весна пришла неожиданно, и старики потом говорили, что раньше такого на острове не видали. Еще вечером селяне-арендаторы сидели кто дома с семьями, кто, напротив, в тавернах — и все старались сесть поближе к очагу, потому как вечер тот был мерзок дождем и почти осенним свистом ветра, — а к утру солнце встало на летний манер.

И с юга дунуло жаром, как из печки.

Утро это оказалось восхитительным. Жители хутора Доркал, люди солидные, с давних пор державшие немало земли в собственности, вышли за ворота, не веря своим глазам от счастья: ветер гнал влагу прочь, над полями таяла легкая дымка, говорящая о том, что озимые встанут в срок. Туман таял, и таял быстро — однако неторопливый перестук копыт по брусчатке древнего королевского тракта, который как бы срезал край Доркала, деля его на две неравные части, заставил кое-каких хуторян схватить из дому алебарды и затаиться в кустах на обочине. Время было тяжкое, даже слишком.

Копыта звучали глухо — понятно было лишь, что кони идут медленно, а вот сколько их, тут уж в рассветном тумане решить трудно. Семеро молодых парней, один из которых целых два года проходил в королевских пехотинцах, а теперь слыл за могучего рубаку, засели в густых зарослях шиповника и, едва дыша, принялись ждать: то ли смерти, то ли, может быть, нет.

Двадцать лет затянувшейся войны научили их всегда ожидать худшего.

Вскоре из рваных, быстро тающих ключев субтропического тумана, так характерного для Средней Пеллии, неторопливо вышел огромный черный ломовик южной породы, гонять которого под седлом не пришло бы в голову даже сумасшедшему. Между тем чудовищных размеров конь нес на себе дорогое, обшитое красной кожей седло, в котором болтался очень странный человек: он был из хозяев и долговяз, из доспеха на нем виднелся лишь легкий чешуйчатый панцирь, зато на поясе висели два длинных меча в позолоченных ножнах, что говорило о значительных финансовых возможностях седока, а поверх одного из вьюков, которые буквально облепили коня со всех сторон, красовался сферический шлем очень дорогой работы. Следом за черным чудищем шел на привязи еще один конь, почти такой же, только серый, а за ним — два поджарых жеребца, вполне годных в кавалерию. На одном из них, зыряка глазами по сторонам, сидел мальчишка в легком шлеме, держащий в правой руке длинный пистолет. Шнур фитиля был намотан на его правую руку.

Юные хуторяне дождались, когда процессия снова растает в тумане, и облегченно выдохнули. Зрелище оказалось удивительным: пожалуй, его хватило бы на несколько вечеров в местной таверне. Стук копыт утих, туман становился все реже, и скоро от него не осталось уже совсем ничего.

— На Юлих пошел, — со знанием дела сказал бывший королевский алебардьер, оглаживая короткие пока еще усы. — В город, значит. Из порта.

— Кони-то какие у него, — пискнул кто-то. — Не ездят у нас на таких конях.

— Что ты знаешь, дурень, — щелкнул его по носу усач. — Значок зеленый на плече видел? Университетский он, офицер-инженер. А о конях его — тебе, что ли, недоумку, судить? На каких конях его милости господину инженеру ездить — то ему решать. Перед такими полковые командиры спину гнут. Иди — поступи в королевский университет да закончи лет через десять. Университеты у нас в Пеллии для всех открыты, сам знаешь: хоть для нищих. А ты иди поступи. Богат умом будешь — тебе король стипендию даст. Тогда и о конях поспорим...

— А кормить его кто будет? — недовольно спросил кто-то сзади. — Болтаешь ты после войск, Эрнер, много болтаешь!

— Может, кулаком тебя подкормить? — удивился алебардьер. — Или напомнить, как Маллан, со мной вместе завербовался, — как год отслужили, экзамен сдал, пошел в офицерскую школу и теперь, в отличие от тебя, быка безрогого, — господин королевский лейтенант. С серебра кушает и в золоте ходит. А молитвы хуже всех учил. Зато с математикой дружил. А ты мне поговори еще, поговори, я свой пенсион за ранения недаром получаю — рукой накормлю так, что неба не увидишь.

* * *

Когда-то, в давно минувшие эпохи, грозный владетель Срединных Островов Эрн Гнилое Ухо потерпел горькое поражение в бухте Менс: войско его, состоявшее из отборной латной конницы и небольшого количества наемной пехоты, было разбито высадившимися пиратами с островов Галли. Эрн отступил в глубь Ленца, отправил через северный порт Вилберн гонца в столицу, а сам, не рассчитывая на помощь Трона, собрал всех окрестных владетелей и потребовал от них выделить мастеровых людей для строительства крепости среди болот, которые начинались в двадцати лонах от Менса и тянулись далее к востоку. Так появился Юлих — сперва деревянный.

Пираты бесчинствовали еще тридцать лет, порой дотла выжигая юго-западный берег острова Ленц, но далеко от моря отходить не решались: Юлих рос, став каменной крепостью, а потом и городом посреди осушенных болот, и город этот мог выставить весьма достойное войско. Гнилое Ухо сделал новую крепость своей постоянной резиденцией, пожаловав его первым строителям «дурные земли» вокруг, а потом, добившись на то особого разрешения Трона, издал ряд указов, которые давали невиданные привилегии людям ремесла и торговцам, готовым осесть в Юлихе навсегда. «Уложения Эрна» действовали восемь столетий, превратив город в один из крупнейших центров Средней Пеллии, — а отменили их тогда, когда прежняя традиция поместных поборов ушла навсегда и началась новая, более свободная эра.

Старинная крепость, построенная на возвышенности, сейчас вздымалась над тысячами крыш и храмовых шпилей, выстроившихся причудливым кривоватым лабиринтом вокруг ее высоченных бастионов. Дорога из Менса, превратившегося со временем в крупный порт, постепенно таяла в ремесленных пригородах, а потом и вовсе исчезала на одной из круговых площадей, застроенной шести-семиэтажными складскими зданиями.

Посреди этой самой площади странный всадник на ломовике остановился и некоторое время с задумчивостью смотрел в сторону севера, где солнце ярко играло флюгером на

Почтовой башне.

— Туда, — неторопливо разлепил он тонкие губы и махнул рукой своему юному спутнику.

Кони снова двинулись вперед — теперь копыта мерно стучали по бугристой брусчатке какого-то переулка. Не доезжая немного до Почтовой башни, мужчина свернул направо и скоро остановился у трехэтажного дома с высокими воротами. Здесь он наконец спешился и, подойдя к воротам, уверенно нашел в них небольшую калитку. Рядом с калиткой висел бронзовый дверной молоток.

На третий удар за воротами послышались тяжелые шаркающие шаги, и калитка чуть приотворилась. Худощавый встал так, чтобы его было лучше видно, и на лице его появилась странноватая, будто у недоумка, улыбочка.

— Арвел... — удивленно выдохнули за воротами. — Ты?!

— Отпирай, Тимбур. Мы с Дали измучились дорогой и очень хотим есть. Выпить, впрочем, я тоже не откажусь...

Ворота уже скрипели тяжелыми чугунными петлями, смазывать которые хозяева явно ленились. Когда обе створки распахнулись, на улицу вышел приземистый мужчина лет сорока, с крупными, даже грубыми чертами лица, одетый, однако, как небогатый дворянин. Не говоря ни слова, он ввел во двор тяжеловозов, посторонился, пропуская вторую пару лошадей, и только потом с размаху ударил худощавого ладонью в грудь — да так, что не будь на том панциря, ему пришлось бы несладко.

— Арвел, — повторил он. — Арвел Хадден, ха-ха!

— Закрывай ворота, старый ты окорок, — ответил ему гость, явно довольный оказанным приемом. — Честно сказать, я боялся не застать тебя.

— А-аа, что мне сделается? Таких, как я, ни плеть не сечет, ни пуля не берет. Хотя времена нынче — сам знаешь.

Юный спутник Хаддена легко спрыгнул с коня и, сняв свой шлем, вдруг оказался девушкой с тонкими чертами лица, стриженной, однако ж, под мальчишку. Повернувшись к хозяину, она изящно поклонилась и протянула ему правую руку, на что тот ответил вежливым кивком и открытой ладонью, которой девушка слегка коснулась пальцами.

— Старина Тимбур не из простых, — хихикнул Арвел, — и этикету обучался отнюдь не на конюшне. Это — Дали, друг мой. Пока — просто Дали. Пока — так...

— Все понимаю, — так же вежливо ответил Тимбур. — И рот мой замкнут печатью. Но! Скажите, о владетели, что мне приготовить в первую очередь: баню с дороги или все же обед?

— Обед, — решительно заявил Арвел Хадден. — На корабле нас кормили хуже некуда, а те запасы солений и колбас, что я прихватил с собой, кончились уже давно. В Менсе мы завтракать не стали — было слишком рано, и давиться тушеной рыбой в ночной харчевне не хотелось. Дали обещала выдержать дорогу, да вот, кажется, уже проголодалась до смерти.

Двое слуг помогли Хаддену снять с лошадей множество вьюков, некоторые из которых оказались очень тяжелыми, и подняли их в комнаты на втором этаже, где хозяин разместил своих неожиданных гостей. Дали тем временем наскоро умылась и переделалась в простое синее платье до щиколоток — не забыв, впрочем, о поясе с длинным дамским кинжалом старинной работы. Хадден, избавившись от панциря и стеганого жилета под ним, остался в белой сорочке и кожаных штанах с накладными пистолетными карманами на бедрах. Вскоре они с девушкой спустились вниз, ибо, судя по звукам, доносившимся из столовой залы этого

большого купеческого дома, приготовления к обеду заканчивались.

Тимбур ждал их в дверях.

— Супруга моя Лита уехала молиться на остров Фирс, — сказал он, учтиво беря девушку под локоть, — прихватив с собой дочерей. А сын уже три года на королевской службе в море.

— Я слышал, что Витмор пошел на флот, — кивнул Арвел. — В прошлом году я виделся с Брагом Деером. Он тогда служил казначеем у князя Риввета. Недурная карьера для сына земельного поверенного? Думаю, сейчас он уже болтается поближе к столице.

— Не сомневаюсь, — фыркнул Тимбур.

Сам он сел, как полагалось человеку из старой семьи, с правого края полукруглого стола, а гостей своих посадил посередине. Долговязый слуга раскупорил несколько кувшинов, другой — разлил по чашам ароматный суп из корней.

— Вот это да, — вздохнул Арвел. — Впрочем, в доме твоего отца всегда умели и приготовить, и подать. Отбрось стеснение, Дали. Сейчас церемонии не имеют значения.

Девушка ответила ему улыбкой, но все же не прикоснулась к ложке до тех пор, пока хозяин не выпил с гостями за встречу.

— Да, времена пришли ненастные, — задумчиво произнес Тимбур и взмахом руки отправил прочь слуг. — Многие из нашей старой компании вернулись домой, а ведь кое-кто имел неплохую службу. А тут... Впрочем, говорят, будто война скоро начнется снова.

— Сторону Трона держит немало людей с тугим кошельком, — хмыкнул в ответ Арвел. — И почти все они считают, что пока еще не получили того, о чем мечтали. Противоположная сторона находится в такой же точно ситуации. Так что... Впрочем, я не стал бы делать скоропалительных выводов. С чисто военной точки зрения Южной Звезде война не выгодна. Их ресурсы тают — да, возможна помощь Ла-Велле, однако чем за нее придется расплачиваться?

— Ну, Юлих уже расплатился за все сполна.

— В смысле?

— Мы получили в наместники князя Тренка.

— Та-ак...

Хадден отставил в сторону опустевшую чашу, придвинул к себе тарелку с мясной запеканкой и застыл в глубокой задумчивости.

— И дела, наверное, идут хуже, чем можно было себе представить? — спросил он через некоторое время.

— Пожалуй, да, — кивнул Тимбур. — Слухи о том, что его совершенно не интересуют деньги, подтвердились полностью. Его интересуют только казни. Не спорю, Юлих нельзя назвать городом, абсолютно лояльным нынешнему нашему королю, но все же открытых проявлений мятежа у нас не было и нет.

— Кого он казнил первым?

— Старого Финча, главу Торговой коллегии. Старика пытались выкупить, но дело закончилось тем, что Тренк засек до смерти нескольких поверенных, которые хотели говорить с ним. Король от Тренка в полном восторге, так что сделать тут нельзя ничего. Многие бегут из города, Арвел, и скажи мне, когда такое было? Когда бежали не в Юлих, а, наоборот, из Юлиха?

— Такого я не помню.

— Такого никто не помнит. Но, повторяю, сделать ничего нельзя. Коль так — и говорить о том не стоит. Расскажи мне лучше, чем ты занимался все эти годы? Кое-какие слухи до нас

доходили, но...

— Я понимаю... Я служил, — поднял глаза Хадден. — Служил Трону, служил разным владетелям, которые желали иметь у себя толкового инженера. Все это время я, конечно же, учился. Заработав немного денег, я отправлялся к разным профессорам и наставникам. На свете много интереснейших вещей — это я понял еще в университете, и с тех пор поиск новых знаний не дает мне ни секунды покоя...

Тимбур молча покачал головой. Арвел Хадден смотрел на старого друга с улыбкой, догадываясь, о чем тот сейчас думает.

— Ты всегда был немного странным, — выдавил наконец Тимбур и налил гостям вина.

— Я угадал, — пробормотал себе под нос Арвел. — Как бывало и всегда...

— Что ты говоришь? — нахмурился Тимбур.

— А, ничего. Расскажи лучше, как у тебя идут дела?

— Дела? — поднял брови Тимбур. — Дела у меня от силы раза три в неделю, а скоро и тех не останется. Много ли народу ты видел на дороге из порта?

— Две-три фуры: дорога безлюдна, а народ в окрестных селах перепуган до смерти. В Доркале — а ведь богатый хутор — меня ждали с алебардами, но когда я проехал мимо, трогать не стали. Испуганы были: в любом всаднике им чудится какой-то подвох. Вот уж точно — никогда такого не было.

— Не было, — эхом повторил хозяин. — А скоро так вообще ничего не будет. Не останется... И дома, и цеха, и склады — хозяева продают за гроши, вот только покупателей не видно. Торговцы обходят Юлих стороной, нет у нас больше ни хлопка, ни шерсти, ни железа. Хорошо хоть уголь еще завоза, да зерна хватает. Хотя если дальше так пойдет, окрестные земледельцы поднимут настоящий бунт. Они век от века жили полем и торговлей — а что теперь? Трон требует податей, но платить их нечем, потому что Тренк уничтожил всю торговлю в Юлихе, а везти злаки, овощи и скот на побережье самостоятельно они не могут, нет у них таких фур, да и некогда. Кое-кто выкручивается, конечно: собираются пятью семьями, посылают старших сыновей, да вот не у всех выходит. Не их это дело, и купить же им теперь нечего: все, абсолютно все они покупали у нас, и все были довольны.

Тимбур снова замолк, и тут Хадден увидел, что его немного трясет. Арвел хотел найти какой-то ответ на гневную речь друга, но — не смог. Город своего детства он помнил совсем другим: порой туманным, зимой отчаянно дождливым и, однако ж, зеленым, наполненным солнечной суетой, деловитой и веселой одновременно, что отличает те города, в которых у людей получается все, за что бы они ни брались. Юлих шумел рынками, грохотал молотками оружейников, изделия которых расходились по всей Пеллии; здесь работали искусные мастера-каретники, готовые выполнить любой, самый сложный заказ благородного владетеля, а шерстяные ткани, выделяемые в сотнях цехов на западной окраине, заезжие купцы отрывали буквально с руками, и жители его, великие трудяги, а местами порядочные обормоты, время для улыбки находили всегда.

Юлих же нынешний, почти не пострадавший от двадцати лет войны, которую историки уже успели назвать Династической, — улыбку свою потерял.

Двор за окном, с амбарами и несколькими фруктовыми деревьями, постепенно окрасился в густо-желтый колер заката. Поговорив еще немного со своим другом, Арвел устало вздохнул и попросил прощения:

— Дали засыпает, старина. Мы сели на коней еще до рассвета...

— Да-да, — Тимбур поспешно встал. — Заболтал я тебя. У нас еще будет, я надеюсь,

время для разговоров. Сейчас я приготовлю вам баню.

— Мы уезжаем не завтра...

Когда девушка, сбросив с себя мягчайший шерстяной халат, юркнула под одеяло, Хадден уселся возле окна, и взгляд его скоро застыл, будто у мертвого.

Голос Дали вырвал его из реки грез:

— Мне понравился твой друг. Кажется, он человек надежный.

— Настолько, насколько может быть надежен человек в наше время, — ответил Арвел.

Подойдя к большой деревянной кровати, он поднял край теплого одеяла и лег рядом с девушкой. Дали закрыла глаза: через несколько мгновений Арвел Хадден понял, что она спит.

* * *

Утром, оставив сонную Дали на попечение служанки, Арвел наскоро позавтракал и вышел в город. Оделся он очень скромно: шерстяная серая куртка до колен, простые холщовые штаны да грубые башмаки. На голове у него криво сидела мягкая шляпа с отвисшими широкими полями, явно выдавшая виды.

Про зеленый значок инженера он, однако ж, не забыл.

Южный ветер окончательно прогнал туман, и в узких переулках, что вели его к Почтовой башне, дышалось легко и как-то по-весеннему звонко. Почтенные мамыши распахивали окна — впервые, наверное, после зимних ливней, — и, смеясь, переговаривались с соседками. Несколько учеников-подмастерьев, одетых в чистые, преувеличенно аккуратные курточки и короткие штаны, спешили, гремя каблуками, в свои цеха. Арвел медленно шел по переулку, глядя, как флюгер на башне становится все ближе, и пытался вспомнить, кого из соучеников, с которыми тридцать лет тому он штурмовал здешние сады, а порою — и кондитерские лавки, ему случилось встретить за эти проклятые военные годы.

Двоих-троих, решил он. Воевали и другие, но Пеллия велика... Кое-кто вернулся с войны, а кто-то остался навсегда лежать в полях и джунглях на далеких отсюда южных островах. А некоторые и сейчас еще на службе, в жажде славы и богатства. Найдут ли? Кто ж нам напроорочит!..

Еще один поворот — и вот ноги сами собой вынесли задумчивого Хаддена на площадь перед Почтовой башней. В прежние времена здесь всегда былолюдно: сновали почтовые кареты и разносчики писем со своими трехколесными тележками на мягком ходу, там и сям торчали лотки торговцев сладостями или жареными пирожками с мясной начинкой, здесь же стояли будки перекупщиков, которые заключали небольшие сделки по шерсти или, если повезет, по хлопку, а поскольку по соседству, на улице Пресветлого Хиама, располагалась податная контора, площадь то и дело пересекали бледные и возбужденные купцы, держащие в руках кожаные сумки для бумаг.

Сейчас площадь оказалась почти пустой. Разноцветные деревянные будки, украшенные именами торговцев, исчезли, пропали и почти все лотки, за исключением трех. У башни стояла одна-единственная карета, возле которой скучал почтарь в истрепанном королевском мундире. Все так же неторопливо Арвел пошел в сторону улицы Вилле, которая вела наверх к старинной крепости, и неожиданно остановился, встретившись глазами с высоким седым

стариком в длинном зеленом платье учителя.

Несколько мгновений старик пристально разглядывал его прищуренными серыми глазами, а потом глубокие морщины на его лице разгладились.

— Ты ли это, Хадден? Решил вернуться в родной город?

— Не так чтобы вернуться, наставник Торн, — глубоко поклонился Арвел. — Я здесь проездом.

— Вижу, ты все же стал инженером... твои усилия не пропали даром, так ведь?

— Ваши, наставник, — снова поклонился Арвел.

Учитель улыбнулся. Торн преподавал математику в Общинном Торговом лицее, куда Арвел поступил после школы. Когда-то, видя страсть мальчишки к механике, он «гонял» его строже других — заранее предполагая, что после лицея тому прямая дорога в столичный Королевский Университет.

— Мы слышали здесь про тебя... — негромко вздохнул Торн. — Разное... быть может, ты найдешь время поговорить со стариком?

— Я на все готов для вас, — вдруг вспыхнул в ответ Арвел.

— Хорошо. Тогда идем.

Зачем-то оглянувшись, Торн взял Арвела под руку и повел в узенький полутемный переулок, где, как помнил из своего детства господин королевский инженер, находились мастерские и склады скобарей и медников, а также — дешевые подвальные заведения, в которых всегда можно было взять чарку тростниковой и маленькую соленую рыбку на бумажной тарелочке.

Именно в такую дыру, слабо освещаемую через узенькие окна, выходявшие прямо на мостовую, и привел старый учитель своего бывшего ученика. Зал с десятком изрезанных ножами столиков был совершенно пуст, а в буфете сонно протирала глиняные чарки хозяйка — дородная дама в синем переднике поверх теплого шерстяного платья.

— Ах, господин Торн, — поплыла она улыбкой, едва завидев долговязую фигуру старика, — как же рада я вас видеть снова! Говорили, что вам выпало хворать?

— Все позади, — отмахнулся тот. — Пришла весна, а с ней, как говорят поэты, шагает под руку надежда. Подай-ка нам свинины на спицах да тростниковой из Хенны, той, что без сахара.

Хозяйка кивнула и умчалась на кухню. Торн тем временем усадил Арвела за столик в дальнем углу, хорошо освещенный лучами утреннего солнца, падающими из окон, а сам сел напротив.

— Я рад тебя видеть, — тихо произнес он. — Многое у нас изменилось — ты слышал?

— Да, — кивнул Хадден. — Я знаю.

Торн втянул носом воздух и молча покачал головой — точь-в-точь, как Тимбур вчера вечером. В этом было что-то тягостное для Арвела, и он отвел глаза, стараясь не смотреть на учителя.

— Никто уже не понимает, что делать, — негромко продолжил старик. — Промышленность пришла в упадок, с ней загнулась и торговля, а чем еще заниматься в Юлихе, если не торговать? Многие уехали, и это были не худшие люди. Другие... Каждый день ждут вызова на суд, за которым последует казнь. Кто-то будет повешен, иных засекут до смерти, и скоро здесь не останется уже никого, кроме вдов да сирот, идти которым некуда, равно как негде снискать себе пропитание.

— Но если выезжают не все... — пробормотал Хадден.

— Ну как — не все, — развел руками Торн, — да, пока не все. Есть люди, для которых привязанность к нашим мостовым сильнее страха смерти. Им проще умереть, чем покинуть город, который возвели их предки, — для многих из нас каждый камень Юлиха несет в себе какую-то историю. Да и могилы — их ведь не возьмешь с собой.

Хозяйка заведения принесла из кухни заказанное мясо и выпивку, расставила на столе и виновато улыбнулась:

— Вы уж простите, ваши милости, что так долго. Прислугу в зале мне пришлось рассчитать и двоих поваров тоже.

Торн ответил ей понимающей улыбкой.

— Могилы, — повторил он, разливая тростниковую по простым глиняным чарочкам, — скоро могил здесь станет больше, чем плательщиков податей — но сдастся мне, что даже на этом он не остановится.

— Вы пытались что-то сделать? — спросил Хадден и опрокинул свою чарку. — Хоть кто-то... хоть что-то? Есть ведь знающие люди, хорошо владеющие своим ремеслом. Сейчас такое время, что они берутся за любую работу: Пеллия бурлит, так что о наказании можно и не думать.

— Пытались, — пробурчал Торн. — Двое, изучив обстановку, отказались. Еще один... просто исчез — скорее всего, сбежал с полученным задатком.

— М-мм?.. — поднял глаза инженер.

— С этим дело плохо, — учитель снова налил и откусил с деревянной спицы небольшой ломтик мяса. — Ты же не думаешь, что он идиот? Некоторые доктора, правда, считают, что мы имеем дело с человеком, сильно ударенным в детстве, — но вот в отсутствии ума и даже, я бы сказал, изворотливости его упрекнуть нельзя. О своей безопасности он заботится чрезвычайно тщательно.

— Охрана?

— Если бы. Любая охрана подкупается — а еще недавно в Юлихе было очень много денег. Нет, там все хуже. Охраняют его несколько родичей и старых друзей, которые повязаны с ним жуткими делами первого этапа войны. И главное — он почти не появляется на людях. День и ночь сидит в Старой Башне, а пробраться туда нельзя никак. Ты сам знаешь, как строилась эта цитадель. Вход только через лабиринт, который при необходимости заливается водой, и тогда войти в башню просто невозможно.

— И на казни он тоже не ходит?

— Казнят, как правило, тоже там. На площадях... Всего несколько раз. Но этого не было уже давно. Говорю тебе, сделать что-то очень трудно.

— Я слышал, он религиозен... молится и жертвует там же, в Башне?? Пару лет назад болтали, будто бы его семья просто помешана на Секех, богине Первой луны. Сколько у нас ее храмов? Не потому ли он выбрал себе Юлих, а не какое-то другое место?

— Может быть — мы уже думали об этом. Ты должен помнить, что южный выход из лабиринта Башни смыкается с садом храма Секех-на-Холме. Он молится там два раза в неделю. Но проникнуть в сад тоже невозможно.

— Я помню эти стены, учитель... Их и впрямь не перескочить. А копать из глубины сада — смешно говорить.

— Вот...

Торн снова налил, и в глазах его Арвел увидел старое, усталое отчаяние.

— Саперов нам сейчас не найти, — усмехнулся инженер. — Но на этом свете есть

много всяких дорог... А вот кстати, о дорогах: скажите мне, а за кого вышла моя старая подружка Нола Сидден? Недавно она мне снилась, и привиделось мне, будто бы у нее уже пятеро, а младший ее брат Виг стал каким-то механиком. Странный был сон, скажу вам честно.

— Пятеро не пятеро, а трое имеются, — покивал Торн. — И по тебе она, извини уж, не скучала — выскочила за Малса, сына торговца шерстью с улицы Барн, едва вы с молодым бароном Уллой в столицу уехали. А брат ее — не поверишь, угадал ты. Виг Сидден у нас главный городской часовщик. Может, тебе будет интересно с ним повидаться, уж не знаю... Он-то самоучка, десять лет по разным городам и весям шастал, все учился. А потом приехал, пришел в ратушу и сам себя предложил.

— А экзамен? — приподнял брови Хадден. — Вот так его и взяли?

— Экзамен ему устроили — пальчики оближешь. Часы на шпиле храма Дайен к тому времени уже лет пятнадцать как встали — окрестные селяне кому только деньги ни сулили, а братья никто не хотел. Слишком, говорят, старые. А Виг — по медникам походил, детали какие-то заказал, и ходят те часы. Часовщика-то у нас уже ой сколько не было: когда старый Бимбо помер, я еще по чужим яблоням лазал. Только переехал он — дом купил в третьем переулке от Шорников. Говорили, не захотел после смерти матери в старом доме оставаться. А деньги у него были, я знаю. Где-то он неплохо заработал...

— Вот так-так...

Они проболтали еще минут двадцать — старик учитель и поджарый, худой его ученик с сединой на висках и повадками бывалого солдата. Потом Торн остался ждать кого-то, а Арвел, поклонившись, ушел: ему хотелось побродить по городу.

С четверть часа он поднимался на крепостной холм, желая выйти к старой ратуше. Здесь Хадден знал каждый переулок. Малолюдые, непривычное в солнечные дни ранней весны, сейчас угнетало. Старинный город, славный своей торговлей, свободой нравов и неизбывным весельем, казался ему вымершим.

Поднявшись к ратушной площади, Хадден задумчиво вытер пот со лба и подошел к деревянному ларьку, где торговали фруктовой водой.

— Большой стакан, — попросил он молоденького парнишку в желтом фартуке.

До одиннадцати оставалось две минуты. Неторопливо смакуя напиток, Арвел смотрел на огромный циферблат ратушных часов. Минутная стрелка была едва не в рост человека; каждую минуту она с громким стуком становилась на свое новое место, слегка колеблясь при этом. Наконец — бом!!! — часы ударили одиннадцать.

— А на полдень, — самодовольно сообщил мальчишка, — гром такой, что едва с ног не сбивает.

— Часы знаменитые, — согласился Хадден и пошел себе дальше.

Выходя с площади на улицу Шорников, он остановился и пару минут смотрел на ратушу. В глазах инженера бродили странные искорки. Прищурясь и бормоча что-то про себя, он прошел два квартала по Шорников и свернул в кривоватый переулок, застроенный желтыми и коричневыми домами, во дворах которых расцветали старые, узловатые фруктовые деревья. В ближайшей подворотне стайка мальчишек увлеченно расплетала найденный где-то моток толстой медной проволоки. Хадден остановился и негромко присвистнул — к нему сразу повернулись четыре чумазы мордашки.

— Не здесь ли, — вежливо поинтересовался Арвел, — проживает мастер Виг?

— Не, — ответили ему, — эт через два дома, по той вон стороне. Во-он тот дом, с

флюгером, видите? Только он, говорят, хворает. Три дня лежит уже.

Арвел покивал, бросил пацанве мелкую монетку и отправился в указанном направлении.

Дом часовщика оказался куда солиднее, нежели старый, в котором юному Хаддену случалось бывать много раз: в два этажа с мансардой, дверь обита узорами из бронзовых полосок. За окнами второго этажа прикреплены цветочные ящики, сейчас еще пустые. Арвел пару раз стукнул деревянным молотком и прислушался, но в доме было все так же тихо. Он ударил посильнее, и тогда со второго этажа раздалось чье-то недовольное ворчание; через минуту инженер услышал шаркающие шаги, кашель, и вот дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий худощавый мужчина в длинной домашней куртке, шею его укутывал платок.

— Вам чего? — спросил он, шмыгнув носом. — Заказы я сейчас не принимаю — сами видите, горло скрутило. Ну?

— Не узнаешь, что ли? — улыбнулся Хадден.

Виг Сидден прищурился. Через несколько мгновений на лице его появилась улыбка, и, не говоря ни слова, он втащил незваного гостя в дом.

— Уж кого не ожидал... — пробормотал часовщик. — Это где мы тогда расстались? Под Маридой? Сразу после начала осады?

— После прохода первой мины, — тихонько хихикнул Арвел. — Когда я траванулся дымом и едва не сдох, а тебе приказали ехать на Север.

— Четыре года... — хмыкнул Виг. — Были денечки... Сколько ты тогда провалялся?

— Почти месяц, чтоб ты знал. Потом много интересного было, но с князем Вулли я дело иметь отказался. Дурак он, знаешь ли, из дураков. Угробиться с таким — запросто, а вот чтобы заработать, так не очень.

Господин часовщик понимающе закивал и указал Арвелу на внутреннюю дверь, которая вела в кухню.

— У тебя, как я понял, никого нет? — утвердительно произнес Хадден, садясь за гладкий, недавно сработанный стол и с любопытством осматриваясь по сторонам — дом, приобретенный Вигом, был отнюдь не нов, однако вся обстановка кухни, включая даже очаг в противоположной от двери стороне, выглядела новехонькой и весьма недешевой.

— Жена будет к вечеру, — часовщик распахнул золотистый буфет с фигурными стеклами и принялся выставлять на стол кувшины и корзинки с копченым мясом. — Она у меня на сносях, но дела не бросает — унаследовала тут кой-какую контору от папаши. А служанку мы до утрапустили. Так что хозяйствую я нынче сам, по-солдатски. Горло вот только застудил: и что за весна в этот год, будь она неладна!

— Весна отвратная, — подтвердил Хадден. — Да и город не приветлив.

— С чего бы ему быть приветливым, — поморщился Виг. — Город поймал такого ежа на задницу, что и не знаешь теперь, каким образом избавиться от этого злыдня. Уже вроде пытались, да слишком тот хитер. Не ухватишь. А времена противные. Вот мне лично воевать надоело, но и здесь тоже чего ждать — а кто знает? В Башню могут потащить кого угодно.

— Переехать не думал?

Сидден налил вина и принялся резать чуть подсохший вчерашний хлеб. Лицо у него было до крайности хмурое.

— Думал, — буркнул он наконец. — Но только это все-таки мой город, понимаешь? Наш город, наших отцов и наших дедов, и это мы сами виноваты во всем, что с нами происходит.

Нам и решать... да и к тому же: где деньги взять? В Юлихе сейчас ничто ничего не стоит. Ни-че-го...

Они молча выпили. Хадден принялся за ароматное мясо с травами; ел он с аппетитом — тогда как хозяин, шустро выдув полкувшина, к еде почти не притронулся.

— А ты не думал, — вдруг заговорил Арвел, указывая взглядом на опустевший свой стакан, — что если мечты сбудутся, то Трон может прислать сюда кого-нибудь похуже? Гораздо хуже...

— А мы не паникеры, — огрызнулся Виг. — Это раз. И тот, кто сейчас на Троне расселся, — он, может быть, слегка псих, но отнюдь не идиот. Полная потеря лояльности такой точки, как Юлих, может обернуться для него большими неприятностями. Мы не Север и не Юг, старина, мы — Средняя Пеллия. Вспыхни здесь пожар, искры могут разлететься очень далеко. Так далеко, что и представить страшно.

— Могут, — с некоторой задумчивостью согласился Хадден. — Ситуация сейчас вообще, как на качелях. Кому-то война надоела, но все остальные очень недовольны тем, с чем им, возможно, придется остаться.

— То есть с голым задом? — хохотнул Виг. — Ну, еще бы. Сколько лет вкладываться, да еще и дохнуть на поле боя, а потом вдруг до тебя начинает допирать, что все это было напрасно и сейчас тебе еще хуже, чем раньше. А сколько сброда окажется без гроша в кармане да на большой дороге? Им-то что делать? Да-а уж, дела. Нет, если честно, я и сам считаю, что в ближайшие годы ничего не закончится. Но именно поэтому Юлих приобретает особое значение. Не только Юлих — вся Средняя вообще. Без нас столица не устоит. А без столицы Трон покатится по мостовой. И ничто уже не будет иметь значения.

Хадден покачал головой.

— Отличное у тебя мясо, — сообщил он хозяину. — И знаешь что? Это даже неплохо, что ты прихворнул. И что дождей в ближайшее время не будет — это просто отлично...

* * *

— Утром ты сходишь на рынок, — сказал Арвел Дали. — Рано утром, еще до большого солнца. Оденешься поскромнее, пусть тебя примут за служанку из богатого дома. В углу за мясниками найдешь закуток, где торгуют аптекарские ученики. Купишь у них вот что... — с этими словами он протянул ей маленький листок бумаги, — причем не у одного все сразу, а у нескольких.

— Ты что-то задумал? — подняла бровь девушка. — Ты же говорил, мы здесь не задержимся.

— Мы здесь не задержимся, — кивнул Арвел. — Это я обещаю. А все остальное ты узнаешь потом.

Наскоро перекусив и отправив Дали на рынок, Хадден распаковал один из своих вьючных мешков. Из мешка он вытащил сложенный в несколько раз свинцовый прут толщиной с мизинец и кусачки. Потом достал кусок грубой кожи со следами порезов, а кое-где и огня. Кожу Арвел разложил на большом столе возле окна — придвинув стул, он сел и принялся ловко откусывать от прута небольшие кусочки свинца. Когда их набралось с три десятка, Хадден спрятал остатки прута во вьюк и, порывшись в нем снова, выдернул небольшой мешочек, из которого на стол посыпались мелкие ржавые гвозди.

— Этого вам хватит, — прошептал Арвел.

Он аккуратно высыпал свинцовые обрезки вместе с гвоздями на лист бумаги и сложил его треугольным свертком, наподобие тех, что делают для упаковки гороховых пирожков на храмовый праздник.

Когда Дали вернулась с рынка, она застала его у окна жизнерадостно насвистывающим какую-то песенку.

— Как твой поход?

— Я купила все, о чем ты попросил, у трех разных аптекарей. Вряд ли они обратили на меня хоть какое-то внимание... народу там уже было полным-полно. Такое ощущение, что весь этот город только и делает, что лечится от чего-то.

— Сейчас много больных. Весна пришла слишком поздно.

Арвел взял из рук девушки холщовую сумку и осторожно достал из нее несколько пузырьков с какими-то темными жидкостями, две стеклянные колбочки — одна побольше, другая поменьше — и заклеенный бумажный пакет. Затем, осмотрев покупки, он сложил их обратно.

— Ты решил что-то взорвать, — зевнув, усмехнулась девушка.

— Я всегда найду, где что грохнуть, — отозвался инженер. — Ты не выпалась? Иди в постель. Сегодня мы ляжем поздно, так что лучше отоспаться впрок.

— А ты?

— О, я!.. У меня еще полно дел.

Дали, последовав его совету, разделась и легла в постель. Арвел немного посидел еще за столом, щурясь и думая о чем-то, а потом набросил на плечи потрепанную куртку, сунул ноги в ботинки и вышел прочь. Утро было солнечным и заметно более теплым, чем вчера: припозднившаяся весна вдруг ворвалась на остров со всей своей веселой яростью. В кронах деревьев оглушительно вопили птицы, возле подворотен хитро поблескивали глазами жирные городские коты.

По улицам спешили служанки, отправленные господами по разным хозяйственным надобностям, толкали свои ярко размалеванные тележки торговцы, таскавшие по городу всякую мелочь на заказ, у раскрытых дверей лавок стояли, улыбаясь теплему солнцу, хозяева в коротких плащах с эмблемами своих цехов.

Арвел смотрел на весенний Юлих с легкой грустью; ему хотелось хоть ненадолго вернуться в свою юность, в ту далекую теперь эпоху, когда старый город был весел и никто не думал ни о какой войне. Он отчаянно пытался вспомнить, каким здесь все было раньше, но получалось у него отчего-то паршиво. Дело было даже не в том, что народу в городе стало заметно меньше, зато появились заколоченные досками лавки и обезлюдели шумные рынки, нет — просто многолетняя война, в которой Юлих старался держать некий достаточно условный нейтралитет, сейчас ощущалась Арвелом с необыкновенной силой.

Самому ему это казалось немного странным, ведь в городе не было видно ни разрушений, ни следов пожарищ, неизбежных в тех местах, где шли бои, — и все же война нависала над старинным Юлихом, как черное крыло, закрывая собой и солнце, и звезды.

Появление в качестве королевского наместника князя Тренка, давно прославившегося своей немыслимой и беспричинной жестокостью, было прямым следствием этой войны. Два десятилетия подряд пеллийцы убивали друг друга, и сейчас уже мало кто мог толком объяснить, с чего все началось. Ближе к Югу, там, где грохот войны, то затихающий, то начинающийся снова, ощущался со всей остротой, лишенная всякого смысла жестокость

давно стала нормой. Благородные владельцы штурмовали древние крепости, их конница вытаптывала поля, их пехота разносила вдребезги хутора и целые городки. На этой войне инженер Арвел Хадден провел много лет. Он прекрасно понимал, что рано или поздно все это закончится. Города постепенно отстроят заново, и станут они лучше прежних, поля снова засеют рисом и пшеницей — но на целые поколения вперед сохранится в Пеллии вражда и ненависть.

Та ненависть, семена которой щедро разбрасывает сейчас в Юлихе королевский наместник.

Несколько часов Арвел бесцельно болтался по городу, и в конце концов ноги вынесли его на ратушную площадь. Здесь он вдруг почувствовал, что крепко проголодался. Грустно улыбаясь, Хадден зашел в таверну «Старый мельник», находящуюся в трехэтажном кирпичном доме прямо напротив ратушной башни с часами: солнце стояло в зените, и ему хотелось оказаться в тени.

— Овощной рулет с жареной курицей, — приказал он молодому разносчику в ослепительно белом фартуке, — и чашку бульона с кореньями.

Через несколько мгновений круглый дубовый стол был застелен скатертью, а на ней появилось блюдо с зелеными колбасками, начиненными кусочками курятины, и эмалевая чаша парящего бульона. Хадден вздохнул: в прежние времена «Мельник» был обиталищем судейских крючков, а эта публика имела привычку требовать особого к себе отношения. Впрочем, драли с них тоже нещадно.

К бульону ему подали свежайшие пшеничные лепешки и чашечку рыбного соуса. Урча от наслаждения, Арвел принялся за еду. В окно, возле которого он уселся, ему были прекрасно видны огромные ратушные часы.

Выпив бульон, Хадден принялся за рулет. Когда до полудня осталась ровно минута, он перестал жевать и, зевнув, глянул в окно, а потом стал рыться в карманах, будто бы отыскивая что-то.

— Бо-бомм! — грохнули часы, и от удара, казалось, затряслась вся площадь. Минутная стрелка при ударе прыгнула на пол-локтя вправо, а потом вернулась на свое законное место.

— Вот так я и думал, — прошептал Хадден и снова взялся за вилку.

* * *

— Мы вернемся за полночь. Не хотелось бы перебудить весь дом...

Они стояли перед задней дверью, ведущей во двор: немного настороженный Тимбур и Арвел, одетый в длинный балахон с капюшоном, из тех, что на северном берегу носят рыбаки. Рядом ждала Дали, снова одетая мальчишкой, а в руках у нее была холщовая сумка.

— Вот ключ, — понимающе кивнул Тимбур. — Сейчас выйдете через двор, калитка за каретным сараем. Калитку не запирайте — и никто ее не запрет. Там, в переулке, постарайтесь не влететь в недокопанный колодец: начали его год назад, а потом сосед помер, да и бросили. Будьте осторожны: здесь не столица, уличных фонарей у нас до сих пор как не было, так и нет.

— Ясно, — ответил Арвел. — Не бойся за нас.

Звезды светили достаточно ярко, так что калитку за сараем он нашел без труда. Оказавшись в переулке, он сразу перебрался на противоположную сторону и махнул рукой

своей спутнице.

— Идти нам не слишком далеко.

Юлих уже засыпал, лишь кое-где еще слабо светились окна кухонь, в которых доедали поздний ужин обыватели. Таверны и прочие питейные заведения, в прежние времена шумевшие до полуночи, теперь рано закрывались, ибо гуляк сильно поубавилось. Некоторую опасность представлял ночной дозор Стражи, но Арвел знал свой город слишком хорошо, чтобы бояться этих увальней.

Они шли быстро и уже через четверть часа свернули, пройдя кривым вонючим переулком, на улицу Шорников, а с нее — к дому господина часовщика. Там Арвел едва слышно стукнул в дверь: тук-ту-дук, и на лестнице сразу же раздались знакомые шаркающие шаги.

— Я готов, — Виг Сидден просочился через дверной проем, осторожно провернул ключ в замке и только потом огляделся по сторонам. — У супруги опять болит голова, так что она приняла снотворный корень, и нынче ее из пушки не разбудишь.

— Сочувствую, — вздохнул Арвел. — Первый ребенок часто бывает тяжелым во всех отношениях.

— Будем надеяться... Идемте.

Часовщик провел их дворами: пару раз пришлось перелезть через низкие кирпичные заборы, но уже скоро все они вышли к ратушной башне с тыльной стороны, минуя площадь и улицу Шорников, где все еще светились некоторые окна. Нырнув в черную тень вечнозеленых деревьев с правого бока башни, Сидден указал на небольшую дверь, обитую толстым железным листом:

— Вот ход в мое хозяйство. Тут нас даже днем никто не увидит.

С замком он возился недолго. Когда дверь распахнулась, Виг нырнул вовнутрь и достал из висевшей на плече сумки бронзовую масляную лампу с потайным козырьком.

— Лестница крутая, — предупредил он, — так что осторожно...

Лестница и впрямь оказалась крутой и весьма старой — она зигзагом шла вдоль боковой стены башни; дальше, вглубь, начинались кирпичные перегородки, за ними располагались служебные помещения ратуши, в которых заседали чинуши и представители общины.

— Никогда не думал, что здесь такая странная планировка, — пробормотал Арвел, поднимаясь вслед за Дали.

— Тут вообще много интересного, — гулко отозвался сверху Виг Сидден. — Тут еще имеются подвалы, о которых мало кто знает... Когда-то в них держали городскую казну, но однажды их затопило. Воду, конечно, откачали, да больше ими никто не пользовался. А там можно полк упрятать, и ищи его, пока он сам не выйдет. Хорошо хоть, господин наместник об этом не знает, а то конец нам всем до последнего писаря. Вряд ли эта тварь кого-то пощадит, клянусь тебе.

Подъем занял почти пять минут. Лестница закончилась на каменной площадке, в углу которой тусклая лампа высветила какую-то дверь. Сидден достал из кармана большой ключ и отпер замок.

— Здесь мастерская, — сказал он.

Войдя следом за ним, Хадден не увидел, однако сразу ощутил движение огромных шестерен часового механизма: старинные часы, главные часы города Юлиха, располагались прямо перед ним, за тонкой стенкой. Большую часть просторного помещения со сходящейся

в шпиль крыши занимали верстаки и станки: токарный, два сверлильных, шлифовальный круг. Приводились в действие они хитроумными механизмами с качающимися педалями. Арвел сразу подошел к одному из верстаков, на котором были закреплены небольшие тиски, и принялся разгружать сумку.

На верстаке появились пузырьки с различными жидкостями, две колбочки, принесенные Дали с рынка, мешочек с гвоздями и рубленным свинцом, потом еще один мешочек, побольше. Последним номером Хадден вытащил небольшой цилиндр из пропитанной лаком бумаги, заделанный с одного конца и слегка сплюснутый.

— А вот защелку, — сказал он Вигу, — мы будем делать здесь.

Часовщик понимающе кивнул. Он разжег еще одну лампу, на сей раз побольше своей потайной, и, поставив ее на верстак, раскрыл высокий шкаф у стены.

— У меня есть отличные латунные заготовки, — сообщил он, — прямо как на заказ. Корпусом, как я понял, будет вот это? — и часовщик указал на лаковый цилиндр. — Значит, сделаем обжимку на трубчатых заклепках.

— Ты всегда был славным механиком, — улыбнулся Хадден. — Но сперва я должен посмотреть на стрелку. И Дали, понятное дело, тоже. Где там эта дверца в циферблате?

— Идемте, — повернулся Виг. — Но теперь без света, конечно. Лун еще нет, но звезды сегодня яркие, так что ты увидишь все, что тебе нужно.

Сидден погасил лампу на верстаке — теперь им вполне хватало слабого голубоватого сияния, льющегося из шести высоких окошек в острой ратушной крыше, — и поманил своих друзей туда, где за легкой дощатой перегородкой неумоимо щелкали, отсчитывая секунды, Их Светлость Городские Часы.

Увидев медленно вращающееся сообщество шестерен, валов и уходящих вниз тросов, на которых висели громадные гири, Хадден на миг застыл. Часам этим было около двухсот лет, и создал их знаменитый столичный механик князь Ратмиц. Конструкция, которую он спроектировал, оказалась для своего времени уникальной: приводимые в действие четырьмя гириями часы требовали подзавода всего лишь раз в две недели; точность их была исключительной, а качество изготовления столь высоким, что ремонтировали их за все это время всего лишь несколько раз.

— Да, — прочитав мысли Хаддена, самодовольно запыхтел Виг Сидден, — механизм у нас потрясающий. Одна беда — масла уходит сумасшедшее количество. Внизу, на уровне второго этажа, стоит поддон, куда оно стекает. Вычищать его — сущая мука для моего ученика. А не смажешь вовремя — пиши пропало, встанут.

— Для осмотра циферблата вылезает тоже ученик?

— Плечистому там не пролезть. Впрочем, госпожа с этой работой справится. Что до ученика, то можешь не волноваться: так как я болен, он отпросился на хутор к тетке и будет только через три дня.

Громадный, в три человеческих роста, циферблат имел два узких отверстия с тщательно пригнанными дверцами, располагавшиеся на 3 и 9 часах. Виг помог друзьям обойти плоскость больших шестерен и подвел к правой для них двери. Отодвинув простую щеколду, он потянул дверь на себя и легко сдвинул ее по направляющим в сторону. В весеннем свете тысяч звезд Хадден увидел острые крыши домов и курящиеся над ними дымки. Видеть Юлих с такой высоты ему еще не приходилось, но сейчас это зрелище не волновало его нисколько. Высунув голову в окошко, Арвел посмотрел налево. Там, в полутора сотнях локтей от ратуши, высилась узорчатая желтая колонна храма Секех-на-Холме, одного

из древнейших храмов Юлиха. Он еще раз прикинул расстояние и поджал губы. Ошибки в его расчетах быть не могло, уж слишком долго его мучили математикой королевские профессора. Потом Хадден перевел взгляд вниз: минутная стрелка находилась так близко от него, что, высунувшись дальше, он вполне мог дотянуться до нее рукой. Арвел смерил взглядом толщину позолоченного наконечника и быстро влез обратно.

— Смотри, — подтолкнул он в спину Дали. — Высоты, насколько я помню, ты не боишься... Ты должна будешь выбраться туда буквально на пару секунд, прицепить к наконечнику бомбу и тут же исчезнуть. Стрелка подходит: выбирайся.

Девушка послушно подошла к оконцу, встала на колени и легко просунула в проем свои узкие плечи.

— До наконечника стрелки я достаю с легкостью, — услышал Арвел ее немного напряженный голос. — С этим у меня проблем не будет.

— Понятно, — выдохнул Хадден, — возвращайся: ветер сейчас еще холодный.

Виг показал Дали, как следует открывать дверцу, после чего все трое вернулись в мастерскую.

— Я всегда удивлялся, почему часы не гремят в полночь, — задумчиво произнес Хадден, раскупуривая свои пузырьки с жидкостями.

— Я тоже, — засмеялся часовщик. — На самом деле там очень хитрый кривошип двойного действия, который срабатывает только двенадцать раз в сутки: от шести и до шести. И молот гонга, понятно, — тоже. Поэтому ночью часы идут относительно тихо... хотя некоторые нервические дамочки стараются селиться подальше от ратуши. А удар в полдень, из-за которого стрелка чуть не ломает свою ось, запускает еще и второй молот, так что гонг работает во всю мощь.

— Там, как я увидел, скользящая муфта с цапфами, и в отверстия они встают именно тогда, когда надо, — кивнул Хадден. — Да, часы, конечно, совершенно гениальные. Впрочем, Ратмиц и был гением. Многие его идеи нам еще только предстоит воплотить в металле...

Бормоча все это, он размешал в стеклянном стаканчике небольшое количество какой-то коричневой жидкости и очень осторожно влил ее в меньшую из своих колб, а потом, вымыв стакан водой из стоящего возле верстака ведра, принялся за следующую смесь.

— Ох, доиграешься ты когда-нибудь, — буркнул Виг Сидден, принюхиваясь. — Ты решил намотить «драконовы слезы»? Вместе с серым, как я вижу, порохом? Это ж рванет так, что храм зашатается!

— Я никогда не был поклонником Секех, — равнодушно отозвался Арвел. — Так что плевать мне на нее. Но зато, если моя бомбочка перелетит через ограду, от господина наместника не останется даже клочков одежды.

— Кстати, насчет времени ты уверен? Никто, как я слышал, не видел, когда именно он там молится.

— Видели, и многие, — пожал плечами Арвел Хадден. — Завтра — праздник Глаза Секех. Врата храма открываются ровно в полдень, и такой молельщик, как Тренк, неизбежно будет стоять на коленях в саду, ожидая, когда к нему выйдет процессия жрецов с Лунным Цветком. Выйдут они минут через десять — таков порядок, и не меняется он столетиями. Может, даже, тысячелетиями... не важно. Пока они будут идти, на головы господина наместника и его присных прилетит моя чудесная игрушка. Вот и все. А впрочем — даже если и пострадает кто невинный, так Секех, если ты не забыл школьный курс истории, когда-то требовала человеческих жертвоприношений. Причем не так уж давно, если помнить

о Пеллии в целом...

Сидден молча покачал головой. Идея Арвела казалась ему несколько безумной, но за те три года, что он провел рядом с ним на войне, господин часовщик неоднократно имел повод убедиться в одном: безумие его верного друга и товарища — не более чем точный расчет, малопонятный людям, далеким от механики и математики. Хадден взрывал древние крепости, казавшиеся неприступными, строил мосты там, где построить их было почти невозможно, и много раз спасал жизнь солдатам, сражавшимся рядом с ним.

Пока Хадден готовил смесь для своей бомбы, часовщик ловко изогнул латунную пружину, которая должна была временно закрепить жуткий цилиндр на наконечнике часовой стрелки. Примерив, он зафиксировал готовое изделие на корпусе при помощи трех трубчатых заклепок и отошел в сторону, глядя, как Хадден засыпает в него порох, а потом осторожно помещает туда две запечатанные стеклянные колбы, вставленные одна в другую.

— Да, шарахнет хорошо, — Арвел заклеил цилиндр плотным картонным донцем, положил его в корзину с соломой, что ждала своего часа у верстака, и выдохнул: — Вино-то не забыл?

— Еще бы забыть! — рассмеялся часовщик, доставая из своей сумки увесистую глиняную бутылку. — Кто ж такое забывает?

* * *

К четверти двенадцатого кони уже стояли на небольшом постоялом дворе в одном из северных районов города. От ратуши туда было не более двадцати минут быстрым шагом, а бегом через дворы — так и десять.

Арвел и Дали шли медленно. Дважды они останавливались у лоточников, чтобы выпить по стаканчику фруктовой воды, потом постояли у фасада Общинного театра, рассматривая афиши. Приблизившись к ратушной площади, они шагнули в одну из старых подворотен и — исчезли.

Несколько минут спустя Арвел спрыгнул с низенького полуразрушенного забора, привычно протянул руку девушке и шмыгнул к знакомой двери в стене ратушной башни.

— Время пошло, — сказал он, пряча в карман морской хронометр в медном цилиндре.

Дверь открылась без скрипа. Пропустив Дали вперед, Хадден аккуратно закрыл дверь за собой, но запиратель не стал. Девушка прыжками помчалась вверх по лестнице. Вот и вторая дверь: сдерживая готовый вырваться из груди хрип, Хадден отомкнул замок и снова пропустил Дали вперед.

Она уже знала, что ей делать.

Корзина с бомбой стояла перед дверцей; снова глянув на свой хронометр, Арвел махнул рукой. Дали потянула дверцу на себя, сдвинула ее в сторону, схватила снаряд и высунулась на яркий солнечный свет.

— Раз, — считал про себя Хадден, — два...

Дверца чуть слышно щелкнула, становясь на место, корзина с соломой полетела в дальний угол, и начался бег.

— На меня никто не смотрел, — выдохнула девушка, когда они захлопнули за собой дверь в башне.

— Я знаю, что ты наблюдательная, — всхрипнул Хадден.

Ключи он спрятал в небольшой ямке под вечнозеленым деревом — потом, перемахнув через забор, быстро отряхнулся и повел девушку лабиринтом с детства знакомых дворов, где мальчишкой гонял чужих кур и прятался от воображаемых драконов.

Приказчик на постоялом дворе лениво принял от них монету, и четверка коней быстро двинулась к северному тракту. Качаясь в седле, Хадден неотрывно смотрел на свой хронометр — и вот за спиной у него ударил далекий сухой треск. Ехавшая рядом Дали коротко улыбнулась.

...Поздним вечером в богатую таверну на дороге в порт Вилберн — до самого порта, впрочем, оставалось не более часа пути, вбежал измученный мальчишка в мундирчике королевского гонца.

— Господина наместника Юлиха в храме взорвали! — объявил он с порога.

— В храме? — подскочил со своего высокого стула хозяин, сидевший за стойкой буфета. — Это как же?!

— Сама Секех, говорят... Из пушки туда достать никак было, да и пушек никто никаких не видел. От господина князя и не осталось ничего, кровь только, да и родичей его в лапшу посекло: хоронить нечего. Кому, кроме Секех, такое под силу?

Высокий тощий мужчина в дорогом дорожном платье, сидевший у окна со своим мальчишкой-пажом, скорбно склонил голову и подозвал разносчика:

— Подайте счет, старина. Мне еще ехать и ехать...

— Куда ж вы на ночь глядя? — удивился тот.

— Мне ночные дороги не страшны.

Часть первая
Грустна канатоходца песнь

Солнце, теряя свою еще недавнюю белую ярость, коснулось вечнозеленых деревьев, венчающих вершину холма, застроенного по склонам островерхими домиками из коричневатого-желтого камня. Где-то далеко на юге ударил храмовый гонг, в ответ ему визгливо залаяли несколько псов.

— Все-таки Мейсас любил писать о том, о чем не имел представления, — высокий мужчина, сидящий за столиком таверны, «солнечный нос» которой, прикрытый полосатым брезентом, смотрел на залив Барне, разочарованно покрутил в воздухе небольшой книжкой. — Жаль потраченного времени.

— Ты часто покупаешь совершенно никчемные книги, — улыбнулась коротко стриженная девушка в соседнем креслице из мореной лозы.

— А потом то ли дарю их кому попало, то ли просто оставляю на постоянных дворах, — кивнул ее собеседник, — и ничего не могу с собой поделать — страсть к книгам у меня с самого детства...

Мужчина поскреб давно не бритый подбородок и задумчиво улыбнулся. Закат окрашивал волну залива в удивительный медно-золотистый колер. Пара длинных рыбацких лодок, уходящих на ночной лов, плыла, словно по самой поверхности расплавленного металла.

— Нужно зайти в мастерскую к старику Дотти, — вздохнул наконец он и запустил руку в карман замшевой безрукавки, на груди которой висел маленький зеленый значок королевского инженера. — Так что идем потихоньку.

Господин инженер положил в ладонь мальчишки-разносчика пару серебряных монет, которые тотчас исчезли у того за пазухой, потом снова улыбнулся своей спутнице:

— Может, возьмем еще немного вина на вечер?

Та ответила ему лукавым кивком — подхватив со спинки кресла свою шерстяную шаль, она уже шла к выходу из таверны, слегка покачивая при этом бедрами, и вслед ей смотрели несколько седобородых купцов, только что яростно споривших по поводу какой-то сделки. Королевский инженер хмыкнул и выбрался на улицу, узенькую, кривую, мощенную серым булыжником. Солнце совсем спряталось за крышами на горе, отчего мир вокруг стал царством всех мыслимых оттенков оранжевого. Девушка взяла инженера под руку, и они пошли вниз, к берегу, над которым едва заметно покачивались мачты кораблей — в городе стояло немалое войско, а с ним и десяток транспортов, нагруженных продовольствием и боеприпасами.

Инженер достал из кармана короткую трубку с чашкой из черного дерева, но раскуривать ее не стал: вместо этого он вдруг резко обернулся назад и выставил вперед ладонь, останавливая несущегося сверху молодого солдата, на шапке которого красовалась служебная эмблема вестового:

— Не меня ли ты искал, парень?

Юноша, только что спешивший со всех ног, сильно заморгал и даже приоткрыл рот:

— Э-эээ... Видимо, вас... Я вижу ваш значок. Вы ведь господин инженер Хадден?

— Именно я. Что там у тебя?

— Велено передать на словах... Его милость барон Лейен приглашает вас к себе, то есть во дворец князей Падур, где он нынче квартирует. Это срочно, господин инженер. Мне приказано проводить вас сразу, как только найду.

— Ну, чего-то такого мы и ожидали, не так ли? — произнес Хадден, поворачиваясь к девушке. — Пойдем, Дали. Лейен прибыл недавно, но уже явно засиделся на месте и скоро начнет изобретать всякие каверзы.

Солдатик облегченно вздохнул — похоже, кто-то предупредил его о том, что характер господина инженера оставляет желать лучшего, так что он ожидал отказа, за который ему, без сомнения, надрали бы уши.

— Так вы пойдете? — на всякий случай переспросил он.

— Дурак я, что ли? — поднял брови Хадден. — Господин барон — старый мой знакомец, в винах он знает толк почище многих, так отчего ж мне не откликнуться на зов? А Падуры, как я помню, находятся совсем недалеко?

— Два квартала всего, ваша милость. Быстро дойдем.

Они свернули за угол и пошли задворками большого рынка, который давно уже закончил торговлю, так что теперь только собаки да редкие нищие бродили среди каменных прилавков, отыскивая себе поживы на вечер. Вестовой, ощутив свою значимость, гордо выпятил грудь под кожаным панцирем, а потом, чуть поразмыслив, снял с плеча короткое копье — собственно, при сопровождении начальства так и полагалось, но сперва он об этом позабыл. Встречные обыватели слегка усмехались, однако гордый собой служака этих усмешек не замечал, уж слишком он был молод.

Скоро впереди показалось трехэтажное здание с витыми колоннами у входа, обнесенное низким решетчатым заборчиком. У подъезда дворца прохаживались солдаты в полном снаряжении, чуть сбоку стояла запряженная четверкой карета — все говорило о том, что здесь квартирует какой-то немалый чин.

Выйдя далеко вперед, вестовой с важностью доложил о себе седоусому начальнику караула, и тот, покивав головой, повернулся к подошедшему Хаддену.

— Вашу милость ждут с нетерпением.

— Благодарю, — улынулся инженер. — Госпожа находится на службе наравне со мной, так что...

— Мы все осведомлены о доблестях благородной дамы, — щелчок пальцев, и мальчишку-вестового сменил другой солдат, который повел гостей куда-то во внутренний двор старого княжеского гнезда.

Два коридора, поворот, высокие, настежь распахнутые двери — и вот они на просторной площадке, с трех сторон окруженной рядами фруктовых деревьев, за которыми виднелась скромная башенка домашнего храма. В десятке шагов от выхода стоял походный шатер, над которым реял оранжевый с синими полосами вымпел барона Лейена. Хадден решительно шагнул под полог.

Посреди шатра торчал довольно вычурный письменный стол со складными ножками, сбоку от него громоздились несколько окованных бронзовыми полосами сундуков с канцелярией; за столом, в легком парусиновом кресле, восседал — иначе и не скажешь — широкоплечий мужчина с огромной седой головой, густые и тяжелые локоны полностью закрывали его плечи, спрятанные от солнца под шелковым платом. Вокруг столпились трое незнакомых офицеров, среди которых Арвел сразу отметил высокого усатого капитана в неполном доспехе королевской тяжелой кавалерии. Судя по его лицу, покрытому множеством шрамов, капитан воевал уже очень давно — и успешно.

Офицеры разом повернулись, разглядывая вошедших, а седовласый барон, приподнявшись в своем кресле, вдруг хлопнул в ладоши и весело рассмеялся.

— Вот и ты! — рывкнул он и, продолжая смеяться, ткнул в сторону Хаддена обоими указательными пальцами: — Паф!

Инженер подошел к столу и отвесил церемонный поклон, при виде которого Лейен захохотал пуще прежнего.

— Ладно тебе, ладно! — он встал и схватил руку Арвела своими мощными лапищами. — Я очень рад, что ты оказался здесь. Давненько мы не виделись, а?

— Чуть больше года, — отозвался Хадден. — Впрочем, жизнь теперь быстротечна.

— Хорошо сказано, клянусь проклятьем святителя Кики! Господа, — повернулся барон к своим людям, — позвольте представить вам одного из образованнейших людей нашего времени: господин Арвел Хадден из Юлиха и его, хм, соратница госпожа Дали. Этим господам прошу верить, как мне. Знакомься, Арвел: лейтенант Энгл, капитан Битен и старый наш латник капитан Трир.

Кавалерист почтительно склонил голову, а его молодые товарищи, кивнув Хаддену, уставились на девушку, скромно стоящую за спиной инженера.

— Так... — Лейен выбрался, наконец, из-за стола и коротко взмахнул рукой: — По местам, господа. Триру остаться.

Не глядя на удаляющихся офицеров, барон отошел в глубь шатра, где Арвел разглядел большой походный поставец. Из недр его Лейен выудил шесть длинногорлых бутылок вина и, не оборачиваясь, приказал Триру:

— Кликни вестовым, чтобы повара тащили закуски. И сюда — никого, хоть небеса на землю!

Пока капитан распоряжался во дворе, Лейен аккуратно собрал разбросанные по столу бумаги, уложил их в папку и швырнул ее куда-то в сторону.

— Присаживайтесь, — произнес он, указывая на дюжину складных парусиновых стульчиков, прислоненных к сундукам. — Разговор не будет коротким.

В шатер почти неслышно вернулся Трир.

— Я поставил шестерых по углам двора, — сказал он. — Так что... Вряд ли кто-то услышит.

— Я в тебе не сомневался, — хмыкнул барон. — Садись.

Капитан очень осторожно уместился на стульчик между Хадденом и Дали. Барон тем временем достал откуда-то четыре простых бронзовых кубка и наполнил их до краев вином.

— Ты здесь уже давно, — утвердительно произнес он, глядя на Хаддена.

— Относительно, — пожал плечами тот. — Мне велено было дожидаться авангардов Битци, а вместо них я вижу вашу милость.

— Я здесь три дня, — отрезал Лейен. — И у меня не самые приятные вести для всех нас. Впрочем... за встречу!

Они выпили. Едва кубки вернулись на стол, в шатер зашел повар с двумя поварятами — на подносах стояли блюда с жареным на углях мясом, полкруга сыра, маринованные овощи, пучки свежего зеленого лука и большая деревянная миска еще горячего хлеба.

Лейен довольно кивнул — впрочем, Хадден видел, что от веселости его не осталось и следа. Барон выглядел встревоженным, и следы возраста теперь явственно проступали на его лице.

— На рассвете в гавань вошел королевский корабль с пакетом для меня, — заговорил Лейен, накладывая мясо на тарелку Дали, — и содержимое этого пакета не радует.

— Дурные новости с Юга? — осторожно поинтересовался Хадден.

— И да, и нет. Новости не так, чтобы дурные, и не совсем с Юга. Просто кое-что для нас может здорово усложниться. Барона Роддера сильно побили на северо-западе, у Койтского перевала. Теперь тамошние сторонники Южных Претендентов воспрянут духом: это, конечно, не значит, что они смогут угрожать столице, однако силы их растут.

— Перевал теперь открыт? — уточнил Хадден.

— Да, перевал открыт. Для нас с тобой все это особой роли не играет — просто эпизод, но вот Южная Звезда думает иначе. Хирц готовит большое наступление на острове Наэр.

— Какими силами?! — Арвел не донес до рта вилку с кусочком сыра, замер. — Откуда у них ресурсы для прорыва на восточном фланге, ведь Трон сжег весь их транспортный флот еще прошлой осенью?

— Если говорить правду, то по ресурсам они снова превосходят нас. У них новые пушечные заводы, новые корабли, и, будь я проклят, у них опять очень много кавалерии, пусть и не того качества, что прежде. Мы все еще сохраняем превосходство на море, но уже уступаем в артиллерии. Роддера разбили пушки, как-то привезенные с Юга — эти пушки бьют с невероятной точностью и на большое расстояние. Им даже не пришлось поднимать их к самому перевалу, они стреляли с плато Барсал, да так, что наши солдаты и дернуться не могли.

Дали бросила на Хаддена короткий острый взгляд и опустила голову. В ответ инженер раздраженно запыхтел, потом достал из кармана свою трубку и кисет.

— Я предполагал это еще пару лет назад. У них работают очень талантливые люди, денег на этих людей Претенденты не жалеют, а толковых металлургов там хватало во все века.

— Пеллия в первую очередь морская держава, — негромко перебил его барон. — Все наши силы уходят на флот, особенно сейчас, когда от обороны побережья зависит буквально все. Ты знаешь, сколько сейчас платят хорошему плотнику?

— Я совершенно убежден в том, что исход этой войны решится на суше, — в голосе Хаддена прозвучало упрямство. — В противном случае, она будет идти до тех пор, пока мы окончательно не перебьем друг друга. Хотя сейчас, конечно, мои измышления не имеют никакого значения... Чего нам следует ждать на Наэре?

— Ты хочешь спросить, штурм тебя ждет или осада? — усмехнулся Лейен. — Ох, нет, Арвел. Дело, которое тебе предлагают, хуже любого штурма.

— Предлагают?..

— Именно предлагают, потому что я сейчас говорю отнюдь не от своего имени. Распоряжение относительно тебя получено от князя Уллы, господина Конюшего правой стороны и прочее-прочее. Да, твой старый соученик Улла теперь поднялся так высоко, что с земли и не разглядеть. Но тебя он, как видишь, помнит. Не стоит краснеть, я бы тоже гордился дружбой с таким человеком. И, конечно, следует ожидать, что после возвращения в наши боевые порядки ты получишь такую награду, о какой не смеют мечтать многие люди куда более высокого ранга.

— Это если я вернусь, — мрачно рассмеялся Хадден. — Господин наш Улла человек тонкого стратегического ума. Коли он рассчитал дело так, что ему потребовался злосчастный инженер Хадден, это говорит только об одном: вернуться немногие.

— И тем не менее. Улла тебе доверяет, а доверие таких вельмож стоит куда дороже золота. Мне приказано — причем приказано категорически, без малейших там церемоний, — собрать для тебя группу из самых лучших людей, какие только есть у меня под

рукой, а также довести до их сведения, что любые твои распоряжения, сколь бы идиотскими они им ни показались, должны исполняться молча и бегом.

— Я понимаю, — кивнул инженер. — Улла мог бы собрать людей в столице, у него есть там кое-кто, но тогда в них были бы не слишком уверены вы, господин барон. А отвечать за все это дело придется именно вам, не так ли?

— Я отвечаю за снаряжение и отправку. Дальше вас встретят на северном побережье острова и снабдят проводниками. И, кстати, ты даже не спрашиваешь, куда придется идти?

— Это очевидно. С севера на юг вдоль берега, не так ли? Остров фактически разрезан пополам, так что двигаться по суше нет никакого смысла. Я пока спрашиваю себя, что именно мне придется там взрывать. Верфи или все же гавань?

— Там сейчас нет гаваней, которые мы не смогли бы разрушить с моря, — тихонько засмеялся Лейен. — Так что, если ты думаешь, что тебя ждут береговые батареи или что-то в этом духе — увы. Все намного хуже. Трир, будь любезен, подай мне ту карту, что в синем тубусе. Сейчас я покажу вам кое-что такое, отчего вам точно захочется как следует выпить...

Лейен сдвинул тарелки в сторону и расстелил поданную капитаном карту. Глянув на нее, Хадден сразу узнал сильно изрезанный мысами и заливами неровный ромб острова Наэр.

— Сейчас Хирц держит весь юг и часть востока, — палец барона уверенно прочертил косую линию, — и разорвать его пути снабжения нам не удастся: пролив, отделяющий его от соседних островов Мансор и Хиэр, довольно широк, и там полно отмелей, так что небольшие суда прорываются между ними вполне успешно. Наши основные позиции расположены здесь, к северу от холмов Брюзо. Хирц стоит южнее; стоит ему вырваться на равнину, как мы покатаемся до самого берега, а он в это время ударит с востока. Пока силы примерно равны, но проблема в том, что Претенденты имеют превосходство в проклятой артиллерии. Хирц собирает большой артиллерийский парк — слухи об этом ходили давно, однако нам долго не удавалось выяснить, где именно. Для чего ему этот парк, ты понимаешь?

Хадден пожевал губами, обдумывая ответ, и в итоге слегка двинул плечом. Сейчас у него были резоны изобразить недоумение.

— Он атакует только при наличии мощных резервов и только после тщательной разведки местности, таков его стиль, — негромко вмешался до того молчавший Трир. — Да, мы били его, но оба раза это удалось только потому, что его резервы бежали с поля боя. Сейчас, как я понимаю, Хирц сделал правильные выводы. Он концентрирует артиллерию в совершенно недоступном для нас месте, чтобы использовать ее при наступлении там, где она ему понадобится. Пушкарям он верит больше, чем пехоте.

— Пушкарям хорошо платят, — протянул Хадден, глядя на карту. — Да, общий замысел мне понятен. Но что значит — недоступное место? У нас вроде хватает сил, чтобы развалить любой из его фортов, и дальнобойная артиллерия ему не поможет.

— Еще как поможет, — вздохнул барон, — особенно если ее будет много и в нужном месте. Хирц собирает артиллерийский парк не для того, чтобы засолить его на зиму. Его задумка проста и эффективна — при наступлении концентрируется артиллерийский резерв, способный пробить брешь в любых наших построениях. У него достаточно тяжеловозов лучших южных пород — из тех, что способны вспахать камень, — для того, чтобы быстро доставить свои батареи в любую точку фронта. Пушкاري не предадут, в этом ты можешь быть уверен... Но сейчас вся эта сила упрятана за прочными стенами, к которым нам не подобраться никак!

Палец барона воткнулся в карту где-то посредине острова, и Арвел потянулся вперед, высматривая, что там такое.

Увидел он глубокий ломаный разлом, тянувшийся с северо-востока на юг. Хадден прищурился: в университете он был одним из первых по географии, и сейчас память услужливо подсказала давно забытое: Наэр — остров вулканического происхождения, известный своим не совсем обычным рельефом. Больших гор на нем нет, но глубоких низин и ущелий хватает с избытком.

— Карт иного масштаба у нас сейчас нет? — поинтересовался он, заранее зная ответ.

— По прибытии тебе выдадут местные, — вздохнул барон Лейен. — Я знаю следующее: артиллерийский парк собран в старинном полуразрушенном замке, который стоит над ущельем. Единственный мост, преодолимый для тяжеловозов с пушками, находится в двух лонах на запад, но подобраться к мосту нельзя: войска Претендентов плотно контролируют территорию радиусом в три-четыре лона. Там тоже артиллерия, постоянные конные разъезды. Джунгли выкошены на полтора лона. К мосту подойти не сможешь даже ты. Взорвать замок надо, хоть убейся... Иначе летом мы потеряем пусть не все, но слишком уже многое.

Арвел поджал губы. Ему очень не нравилось расстояние от порта высадки до точки приложения усилий.

— Сейчас там месяц дождей, вот это я знаю точно, — сказал он. — Морем нам — неделя в худшем случае. Хирц никогда не начнет наступление до того, как просохнут поля. Но по острову — сколько? Недели две? Или три, под сплошным ливнем?

— Ты сам сказал, — осклабился Лейен. — Наступление начнется после того, как просохнут поля и сельские дороги. Извини, но большего я для тебя сделать не могу. Сейчас ты получишь аванс — я без понятия, сколько там в мешке, но думаю, что при желании тебе хватило бы нанять пару сотен хороших вояк. Улла щедр с тобой: знаю многих, кто сдох бы от зависти...

— Бумаги? — спросил Арвел, массируя кисть правой руки.

— В этот раз все только на словах. И... Вот еще что: с этого момента ты не можешь принадлежать самому себе. Твои люди будут ждать тебя завтра утром, а пока с тобой останется Трир и двое солдат. Это приказ, старина, и не нам его обсуждать...

Под арками дворца ждали двое солдат в легких кожаных доспехах, держащие пару лошадей. Триру подвели роскошного серого коня, за седлом которого висели несколько расшитых бисером сумок. Капитан рискнул было подставить стремя Дали, но та, презрительно усмехнувшись, взлетела в седло с места.

Господин королевский инженер забрался на свою лошадку, чуть двинул ее ногами по бокам и взмахнул рукой, веля кавалеристу приблизиться.

— Мое имя Арвел, — сообщил он.

— Это мне известно, ваша милость, — слегка поклонился кавалерист.

— Никаких «милостей». Мы идем в бой, и тебе придется исполнять мои приказы. Мы переходим на «ты», без церемоний и прочих глупостей. Я изъясняюсь достаточно понятно?

— Разумеется. Меня зовут Манли.

— «Хлеб несущий» на северном диалекте?

— Да, это так. Мой дед был знатоком пшеницы. Меня назвали так по его воле.

— Я был бы рад такому имени. Сейчас мы едем на улицу Медных Узлов. За мной, и не отставать. За своих солдат отвечаешь ты, Манли.

Залив уже тонул в жарких фиолетовых сумерках. Этот остров миновали ужасы войны — злаки всходили, как всегда, рыбы хватало, и многие семейства даже поднабрали жирку на поставках в менее удачливые места. Все, впрочем, понимали, что это случайность. Все боялись, поэтому прибытие сорокатысячного корпуса барона Лейена было воспринято с некоторым облегчением. Сейчас Трон не экономил на жалованье. Портовые бордели зажили новой жизнью, кузнецы, механики и оружейники ощутили большой прилив оптимизма. «Нам бы так почаще!» — говорили, глядя бороды, цеховые старшины.

Невыносимые бедствия двадцатилетней войны, разорившей миллионы семей, прошло мимо них — и поэтому Арвел Хадден смотрел вокруг себя с легким презрением.

Подъем в верхнюю часть города был довольно труден из-за гладкой древней брусчатки. Кобыла Хаддена, оказавшаяся еще и капризной, еле брела. Не выдержав, Арвел наклонился к шее лошади, хлопнул по ней ладонью и довольно громко произнес:

— Будешь брыкаться — суну в задницу бомбу. Или ты меня не знаешь?

К изумлению капитана Трира, после такого предупреждения лошадь рванула наверх более чем резво.

Вскоре инженер свернул влево, брусчатка закончилась, и дело пошло легче. Узкая улочка, застроенная ветхими домами, вела в северо-западную часть города, которую издавна населяли ремесленники и цеховые мастера. Очевидно, Хадден знал дорогу как свои пять пальцев: проехав мимо конюшен, перед воротами которых стояли несколько здоровенных ломовых телег, он снова повернул и через полсотни шагов остановился у какой-то низкой подворотни.

— Останься пока здесь, — велел он капитану. — Мы недолго.

Дали легко спрыгнула со своей лошадки, и они с инженером исчезли под округлым глиняным сводом.

— Надеюсь, Дотти успел закончить, — произнесла девушка, — а то будет обидно.

— Не просто обидно, — фыркнул Арвел, — будет паршиво.

Арка вывела их в небольшой дворик, со всех сторон замкнутый белеными двухэтажными флигелями. Ломаные старинные плиты, которыми его замостили много лет тому, были присыпаны соломой, сбоку от арки возвышалась аккуратная поленница; возле опустившейся в землю двери напротив дремал мохнатый светло-серый ослик.

— Привет, Вилло! — крикнул ему инженер. — Ну, где там твой старый хозяин?

В дальнем флигеле, почти скрытом тростниковым навесом, что служил для сушки соломы, завизжала дверь полуподвала.

— Здесь я, здесь, — легко преодолев высокую каменную ступень, на свет выбрался старик в кожаном фартуке, плотно перетянута широком поясом с множеством крючков и петель для инструментов.

На лице его, скуластом и темном от вечного загара, ярко сверкали из-под обгорелых бровей удивительно молодые голубые глаза. Гладкий лысый череп покрывали мелкие шрамы, от левого уха остался лишь огрызок, а правое предплечье, широкое, с бугристыми мышцами настоящего кузнеца, украшала расплывшаяся от времени татуировка в виде якоря и молота: юность свою господин Дотти провел весело.

— Заказ ваш готов, — улыбнулся старик, поклонившись гостям. — Хотите глянуть?

— Время у нас есть, — весело ответил Хадден. — Давай уж посмотрим.

Он кивнул Дали, и та, сбросив с плеч небольшой кожаный рюкзак, достала кувшин с запечатанной пробкой.

— О, это я люблю, — зашевелил бровями Дотти. — Ну вы проходите, проходите...

Несмотря на свое расположение, мастерская старого механика освещалась самым наилучшим образом, так как почти всю противоположную от входа стену занимали три высоченных, под самый потолок, окна с дорогим толстым стеклом северной работы. В дальнем углу стоял горн, возле него, на большом верстаке, находились кузнечные оправки, тиски и деревянные болваны для доспехов. Рядом виднелась каменная ванна с водой. У боковых стен располагались столы с множеством ящиков; к одному был привинчен небольшой сверлильный станок с ножным приводом, сбоку от второго стоял токарный. Еще один сверлильный станок, горизонтальный, мастер поместил под окнами, поближе к свету. На стенах висели десятки досок с крючками, держащими клещи, молотки, напильники и отвертки.

Здесь сильно пахло железом, запах этот вьелся и в чисто выметенный каменный пол, и в дерево верстаков, и в самого старого механика — едва войдя, Арвел машинально втянул носом воздух, чтобы зажмуриться в мечтательной улыбке.

— Хорошая у тебя старость, Дотти, — произнес он, садясь на вращающийся стул с высокой спинкой.

— Я не жалуясь, — хмыкнул хозяин и достал из шкафчика над столом глиняные бокалы. — У меня всегда полно рыбы, лепешек и свежих овощей, у меня есть осел, и мне не приходится много ходить... да еще и вино иногда приносят!

Они сделали по два глотка, и старик, пригнувшись, достал из-под большого верстака сверток, перевязанный грязной серой лентой.

— Вот, — сказал он, разматывая полотно, — то, что вы и просили, господин инженер.

Арвел поднялся со своего места. На ткани перед ним лежали три десятка небольших, довольно тонких трубок из жести, пробитых по всей своей длине толстым гвоздем таким образом, что внутренняя поверхность их образовывала нечто вроде терки. Возле трубок мастер выложил пять бронзовых штырей в ладонь длиной; с одного конца каждый штырь имел сквозное отверстие, с другого — грубую косую насечку, доходящую примерно до середины длины. Хадден взял один из штырей, вставил его в дырчатую трубку, повозил туда-сюда и с довольным видом отложил в сторону.

— Отличная работа, — произнес он. — И спасибо, что вовремя: скоро мы уезжаем.

— Да, — сумрачно кивнул мастер. — Война...

Он небрежно бросил в ящик стола золотую монету, переданную ему Арвелом, и подлил вина.

— У меня есть для вас еще кое-что. Сейчас выпьем, расскажу. Уж очень редко приходится пить с достойными людьми, знаете ли. Изысканное удовольствие...

Дотти допил свой бокал до дна, а потом ушел в дальний угол мастерской и долго возился в глубине за сверлильным станком. Несколько раз звякнуло железо. Наконец мастер вернулся, неся в руках пакет из плотной серой бумаги.

— Один человек, твердо держащий сторону Трона, но уже неспособный показать себя на поле боя, полгода назад побывал в Ангрене и его окрестностях, — тихо заговорил Дотти. — Кто он да что — то не ваше дело, важно, что он там увидел. Так вот... В Ангрене построили печи тройного расширения и теперь варят тугоплавкую бронзу — ту самую, которая никак не получалась у барона Вильдена. У них получилось!

— Да ты что! — вскочил Арвел. — Это точно?.. Значит, они все-таки докопались до «нижних» углей на Таре? Кто мог в это поверить?

— Видимо, да, — оборвал его старый механик. — Так что теперь они обеспечены еще и превосходной сталью. Но это не самое важное. Человек этот умудрился оказаться на оружейном дворе Лейтра, и вот что он там увидел...

Дотти вытащил из пакета несколько тонких полупрозрачных клочков старинной ткани «фойл», сотканной из размотанных гнезд подземных стоножек, и осторожно положил на стол перед Хадденом. Арвел тотчас же склонился над рисунками, нанесенными на ткань какой-то оранжевой краской; человек, зарисовавший увиденное, явно имел техническое образование, так что господин инженер быстро разобрался, что к чему.

— Значит, запираение камеры притирочным конусом, — забормотал Хадден, — и рычажный замок с большим усилием на крюке. Хм, что-то подобное лет сто назад пытались соорудить пушкари-лавеллеры, но у них ничего не получилось, замок не выдерживал теплового расширения... но с тугоплавкой бронзой при стальной камере результат будет, конечно, другой... И что, — Арвел выпрямился, посмотрел на мастера в упор, — тот человек видел это все уже в металле?

— Не просто в металле, — качнул головой Дотти, — а несколько десятков готовых образцов.

— Но это невероятно трудоемкая работа!

— Если у вас есть мастера, есть станки и, главное, есть деньги — такую работу вполне можно сделать за какое-то время...

— Отправь это в горн, — резко бросил Арвел, пряча свой заказ в сумку, — и забудь. Никто не должен это видеть, ясно?

— Да уж как не ясно? — скривился Дотти. — Ясно, что письмо я принес по адресу. А остальное мне, в общем-то, и не важно, господин инженер. Когда мы сможем увидеться снова?

— Не скоро, — Арвел вздохнул и протянул старику ладонь. — Если вообще сможем.

— Да ладно вам, — в спину ему произнес механик. — Доживем!

Хадден не стал оборачиваться.

Люди Манли Трира прибыли через час после рассвета. Встречу Хадден назначил неподалеку от своего временного жилища, на задах полуразрушенной конюшни какого-то владельца, давно пропившего все свое имущество, кроме загородного дворца, — а новым хозяевам какие-то там конюшни оказались ни к чему, поэтому их попросту бросили.

Прибывших было пятеро, и вид они имели не просто солдатский, а самый что ни на есть тертый — за исключением, пожалуй, тощего верзила лет сорока в длинной куртке из зеленой замши, под которой виднелся дорогой «потайной» доспех. Лицом он походил на грустноватую лошадь, при этом в глазах его Хадден разглядел некоторую застенчивость, свойственную людям образованным.

С него он и начал.

— Меня зовут Арвел, — рукопожатие вышло твердым, но не грубым, и господин инженер утвердился в своих подозрениях. — А вы?..

— Гай Сач из Норивила, к услугам вашей милости.

— Могу я узнать, почему вы не носите нашивки офицера, господин Сач?

— Я лекарь, — спокойно ответил тот, — и мне интереснее служить по «свободному» договору, нежели получать патент. К тому же я имею дурную привычку лезть в гиблые места. Такие офицеры не очень выгодны в этой войне.

— Положение Гая примерно соответствует вашему, — негромко произнес за спиной Хаддена капитан Трир.

Арвел понимающе кивнул.

— Рад видеть вас, господин Гай. Надеюсь, когда нам потребуется ваша помощь, вы проявите себя как следует.

— Не сомневайтесь, господин Арвел.

Снова улыбнувшись, Хадден повернулся к его соседу по короткому подобию строя, такому же высокому, но довольно юному парню, укутанному в серый, местами заштопанный плащ с капюшоном.

— Лейтенант Эйно Морил, — представился тот. — Я сапер, специалист по порохам и немного строитель. Также — я ваш лучший стрелок. Это... — он замялся, — не мое мнение. Я учился в стрелковой школе господина Бреуса и закончил ее первым в своем выпуске.

— Вы знаете химию?

— Мне не удалось закончить свой факультет, ваша милость. Ко мне пришла война.

Инженер ответил ему коротким поклоном. Следующим оказался невзрачного вида дядька, плечи которого закрывала странного вида накидка с пятнами и прорехами, которые, однако, были аккуратно обметаны зеленой ниткой.

— Гро Атвиц, старшина королевской пехоты, — голос звучал тускло, немного сипло, — разведчик и стрелок. Это, — Атвиц повернулся и указал на двоих, стоящих в конце строя, таких же серо-зеленых, пятнистых и, казалось, ко всему безразличных, — мои люди, оба старшины: Биззи Дунн и Лейф Биркен. Служим больше двадцати лет. Можем пролезть меж двух кирпичей, если вашей милости то будет угодно. При особой нужде умеем обращаться с пушками.

— Да они вообще все умеют, — со смешком прокомментировал Трир. — Жалованье этой троицы обходится казне ох как дорого: не всякому, я скажу, полковнику, так платят.

— Ясно, — улыбнулся Хадден. — Итак, господа! Прошу учесть: я сознательно не делю вас на солдат и офицеров, потому как в нашем деле не до регалий и уж тем паче — сословий... Отправляемся мы прямо сейчас, вы были предупреждены об этом. Всю дорогу до нашей цели вы будете исполнять мои приказы молча и мгновенно, я отвечаю за ваши жизни, а потому не потерплю ни малейшего промедления. Также вы должны знать, что приказания госпожи Дали, — Хадден указал на девушку, стоящую чуть позади него, — равняются моим. Это должно быть ясно. Особое внимание следует уделять моим коням: я везу мощнейшую взрывчатку, а что это такое здесь, я думаю, знают все. Назначенный помогать в погрузке-разгрузке будет делать свое дело кончиками пальцев! Пока это все. В седло, господа!

Лошади ждали своего часа у коновязей в углу лужайки. По тому, как быстро и слаженно действовал его новый отряд, Арвел понял, что барон Лейен не ошибся в своем выборе. Никаких команд Трира им не потребовалось: едва вспрыгнув на коней, все пятеро аккуратно миновали ворота и двинулись в сторону порта. Помимо всадников, лошади несли на себе немалое количество кожаных мешков и сумок; оружие висело в длинных кобурах за седлами.

Солнце постепенно поднималось все выше над дымчатым океаном. Арвел обернулся, прощаясь с городом: утро высветило на крышах каждую плитку, многочисленные кухонные дымки несло в сторону моря.

Судно, ожидавшее их у каменной пристани, было построено где-то на севере Пеллии: непривычно широкое, с относительно небольшой осадкой, оно несло три мачты со смешанным парусным вооружением. «Милашка Маллин», — прочитал золотую вязь на борту Хадден. Часть фальшборта возле бизани была уже откинута, и матросы ловко подавали на берег широкие дощатые сходни. У большого железного кнехта стоял на брусчатке молоденький офицер.

— Мои господа! — Арвела он узнал сразу, очевидно, по описанию. — Мне приказано приветствовать вас и пригласить на борт нашей красавицы! Капитан уже распорядился насчет завтрака...

— К чему эти церемонии? — хмуро оборвал мальчишку Хадден, спрыгивая с коня. — Гро! — крикнул он. — Возьми своих парней и заведите на борт моих тяжеловозов. Смотрите, чтобы ни один из них не оступился, а то от порта не останется даже головешек!

— Ясно, ваша милость, — довольно отозвался старшина, невесть каким образом уже оказавшийся рядом. — Вы слышали, ребята. Беремся нежно!

Спешившийся Трир что-то прошептал на ухо офицеру, и тот, поклонившись, умчался на корабль. Хадден остался пока на пристани, наблюдая за погрузкой.

— Могу я спросить, чем ты раздосадован? — услышал он голос у себя за спиной и, резко обернувшись, увидел капитана Трира. — Тебе не понравились наши люди?

— Раздосадован? Нет...

Арвел дернул плечом, приказывая Дали подниматься на корабль вместе со своей лошадью, и кривовато улыбнулся:

— Я имею привычку впадать в задумчивость. Тебе придется смириться с этим, Манли.

— Мне кажется, ты чем-то встревожен. Может, нам стоит поговорить об этом?

— Я не люблю отплытие с церемониями. Нас видит куча людей. И еще, — Арвел взял свою лошадь за повод, шагнул к сходням, — нас ждет долгий поход в месяц дождей.

Трир только крякнул в ответ. Его предупреждали, что господин королевский инженер — человек непостижимой фантазии, и благодаря этому свойству дела ему поручают почти

невозможные.

Теперь, однако ж, матерый вояка вдруг стал ощущать себя мальчишкой, а как к этому ощущению относиться, он пока не понимал.

Капитан «Милашки», приземистый и широкий в кости, уже почти старик в черном с синим мундире королевского транспортного флота, встретил Хаддена прямо у фальшборта. Глаза у него были любопытные.

— Ладло, — представился он, — капитан Ладло, по воле богов и всех святителей... Как прикажет ваша милость — отходим немедленно или же сперва прикажете завтрак?

— Завтрак потом, — быстро проговорил Арвел, отвечая на рукопожатие. — Завтрак всегда успеют разогреть, а ветер ждать не будет. Где размещены мои люди?

— Вас и госпожу воительницу ждет каюта для особых пассажиров, тут уж мы порядок знаем, а остальные — в специальном кубрике. Помещение общее, но там перегородки, свой гальюн, и еще в их распоряжении вахтенный поваренок — в любое время суток. Они отлично там устроятся, ваша милость. Люди знающие, я ведь вижу. Таким жалобы не к лицу.

— Прекрасно, капитан. Завтракать будем через полчаса.

Пока он болтал с Ладло, Дали проследила за разгрузкой пары тяжеловозов, которые тащили на себе немалое хозяйство Хаддена: железо отнесли в трюм, а тюки с драгоценными химикалиями разместили в специальном помещении рядом с пороховой комнатой. Гро Атвиц и его хмурые парни прониклись к молодой госпоже искренним почтением, так что все ее команды выполняли просто бегом, хотя таскать им выпало немало.

Отказаться от завтрака было невозможно. Переодевшись в каюте — белая сорочка, кожаные штаны и башмаки с бронзовыми звездочками, — Арвел вышел на палубу. Судно быстро скользило к выходу из бухты. Парусов подняли едва на треть, однако скорость «Милашки» заставила Хаддена приподнять в некотором удивлении бровь.

— Ах, Эйно, — произнес он, увидев лейтенанта, меланхолично попыхивающего трубкой у грот-мачты, — хорошо, что ты здесь. Скажи-ка, нашим парням есть что надеть для завтрака у капитана?

— Я не думаю, что они брали с собой парадные мундиры, — выпучил глаза тот. — Кто будет тащить с собой лишнее тряпье?

— Увы, но я подумал о том же, — засмеялся инженер. — Давай вниз, и вели всем готовиться. Отказывать капитану нельзя — не хочешь же ты, чтобы он устроил нам веселую жизнь? До берега мы в его власти...

По случаю прекрасной погоды стол был накрыт не в каюте капитана, а на «верхушке» характерной для северопеллийских судов кормовой надстройки — краллице, то есть «короне» на старом диалекте. Осанистое судно шло, почти не раскачиваясь, однако стол все же оказался довольно специфическим — не только с бортиками по краям, но еще с особыми гнездами для стаканов и тарелок.

Из числа офицеров экипажа присутствовали трое: сам Ладло, его первый помощник, и старший штурман — оба мужчины в годах и с той же характерной усталостью на лицах, что и у капитана. В транспортном флоте платили совсем не так, как на боевых кораблях, а перспектив вырваться ни у кого из них не было. По поводу присутствия за столом трех нижних чинов (которые, к немалому изумлению Хаддена, умудрились привести себя в весьма приличный вид) капитан возражать не стал. Плавал он давно и хорошо понимал, что откуда растет, к тому же долгая война постепенно стирала незыблемые раньше сословные границы.

— Знаете, а ведь мне уже приходилось слышать кое-что о деяниях вашей милости, — заговорил Ладло, когда был выпит первый стакан — за Трон, само собою, — да-да, приходилось. Защитная дамба на Формакале, а? Знающие люди говорят, что это были именно вы, господин Хадден.

— Это была легкая работа, — вежливо улыбнулся в ответ Арвел. — Ночь оказалась темной, бурить шурфы нам долго не пришлось... ничего особенного.

— Но крепость пала, — Ладло с поклоном налил Дали и Хаддену, передал, согласно этикету, кувшин лекарю и вернулся на свое место, — а ведь лучшие авторитеты считали ее неприступной.

— Скоро появится такая артиллерия, — печально вздохнул инженер, — что самые мощные крепости окажутся не более, чем детскими замками из песка. Некоторые пушки уже способны бить на пять лонов, и бить вполне прицельно. А дальше...

— Пять лонов?! — ахнул штурман. — Да как же это?

— Увы, — подтвердил Трир. — Претенденты уже сегодня располагают такой артиллерией.

— Химия, то есть наука о веществах и их связях, развивается сейчас с невероятной скоростью. Война дала толчок поиску новых порохов, — Арвел отрезал кусок гусиной грудки и положил его на тарелку Дали, — а вместе с порохами идут новые взрывчатые смеси, обладающие такой силой, какую раньше и представить было невозможно.

Капитан Ладло вздохнул и с тоской отложил вилку. Говорить о порохам ему не хотелось совершенно.

— Давно ли вам случилось быть в столице? — поинтересовался он, снова берясь за вино.

— Года три как, — вяло отозвался Хадден. — Сейчас мне там делать решительно нечего, ибо чинов я не ищу, а обилие вельмож дурно воздействует на мой желудок. Ужасно, ужасно не люблю терять аппетит, господа. Про меня и так часто говорят, будто я уж слишком худ, так куда ж мне еще и портить пищеварение визитами в столицу!

Ладло искренне расхохотался, и в глазах его появилась симпатия.

— Своего корабельного повара, дорогой господин мой инженер, я подобрал у одного старого храмика, где тот просил милостыню. И знаете, я не ошибся своим выбором. Все те годы, что он ходит со мной по морям, я доволен жизнью, словно кот богатого мельника. Плыть нам сейчас недолго, но от всего сердца прошу вас — заказывайте ему, что хотите. Буквально все, что вам в голову взбредет, ибо судовые запасы позволяют. Вас ждет нелегкий путь — ну так пускай хоть этот его отрезок станет для вас отдыхом. Веселитесь, господа солдаты! Мой винный погреб в вашем полном распоряжении.

Несмотря на щедрость капитана, охочих до вина в отряде не нашлось. Кружка к обеду да кувшин за ужином — вот и все; пища тоже была самой обычной — каша с тушеным мясом, свежие овощи, хлеб. Хлеба на корабле пекли много. Ел Хадден вместе со своими людьми, в просторном помещении на второй палубе, где они и спали.

Стояла жара, и кабы не ветер, так кой-кому пришлось бы дурно. Большую часть времени люди отряда проводили на палубе. «Троица» Гро, испросив на то разрешения первого помощника, тренировалась на мачтах, иногда поднимая туда молодого Эйно, который, как понял Хадден, не чурался учиться у нижних чинов. Лекарь Сач полеживал на свернутом в бухту канате с книгой, а Трир, оказавшийся большим любителем гадальных дисков, раскладывал на переносном столике замысловатые спирали, подолгу размышляя над каждой.

— Впереди у нас препятствие, обычными нашими силами непреодолимое, — сообщил он Хаддену на третий день пути, за ужином.

— Как я должен это понимать? — выпучил глаза инженер. — Ты не мог бы выразиться хоть чуть-чуть яснее?

— А вот так и понимать...

Трир поднял взгляд куда-то вверх и негромко присвистнул.

— Надо думать, что у нас появится сила, рассчитывать на которую мы не могли.

Хадден отложил в сторону костяную вилку.

— Знаешь, я не слишком религиозен, — заговорил он тоном терпеливого учителя. — И уж тем более не верю я во всяких колдунов и «силы третьего мира». Да, с нами иногда происходят странные вещи, но все они, в общем-то, имеют то или иное рациональное объяснение...

— А я ни о чем таком и не говорил, — перебил его Трир.

На этом он умолк, и разговор прекратился сам собой.

Следующим утром «Милашка Маллин» вошла в полосу дождя. Дождь этот отнюдь не походил на буйный тропический ливень, как можно было ожидать, — нет, то была всего лишь нудная серая капель, закрывшая собой все вокруг. Поднявшись в каюту капитана, Хадден застал старика Ладло в самом меланхолическом расположении.

— Ветер попутный всю дорогу, — произнес тот, придвигая к гостю бутылку крепкого вина, — такое случается нечасто...

— Вы ожидаете шторма? — тревожно спросил Хадден.

— Барометр идет вниз, но здесь это нормально. Нет, шторма я не жду. Вопрос в том, что мы подойдем к острову на сутки раньше графика. Каковы будут ваши приказания: встать на якорь и ждать оговоренного времени прибытия или же начинать высадку в порту Альер сразу? Те, кому велено вас встречать, вряд ли окажутся на месте раньше срока...

Хадден в задумчивости откинулся на спинку стула.

— Если мы подойдем к порту ночью, значит, высаживаться будем утром, — решил он. — Если же днем — посмотрим по обстановке. Вам, как я понимаю, желательно покинуть остров Наэр как можно раньше?

— Именно так, — кивнул капитан. — Мне приказано возвращаться без малейшей задержки. Как только вы оставите мое судно, я немедленно разворачиваюсь на обратный курс.

— Ясно. Что ж, будем действовать по обстановке.

Маяк порта Альер показался на шестые сутки, за час до рассвета.

Хаддена поднял юнга, посланный капитаном; через минуту инженер поднимался по трапу кормовой надстройки. Паруса уже убрали, судно болталось в дрейфе. Слабо поскрипывало дерево такелажа. В удивительно ясном небе горели мириады звезд, и Арвел вдруг подумал, что «месяц дождей» решил миновать остров Наэр. Мысль эта выглядела наивно, однако и небо, и далекий белый огонек маяка подогревали ее надеждой.

Ладло встретил его у складного штурманского стола, на котором лежала подробнейшая карта бухты Альер и рядом — линейка-вычислитель. Подле капитана стоял старший штурман. Над головами у них ярко горели четыре масляных фонаря в разборных стеклянных корпусах.

— Нас уже видят, — сообщил капитан. — Думаю, через полчаса подойдет вооруженный баркас — с внешним дозором тут у ребят все в порядке, можете не сомневаться. Дальше — решать вам. До срока встречи больше суток. У меня эти сутки есть, и никто меня ни в чем не упрекнет...

— Будем высаживаться после завтрака, — мотнул головой Хадден. — Опасаться нам нечего, а мне хотелось бы поговорить с людьми в городе, что там да как. Нужно спросить у парней из дозора, сложно ли тут снять на ночь какую-нибудь старую конюшню?

— Такие порты кишат шпионами, — покачал головой Ладло. — Не боитесь ли вы, что о вашем прибытии узнают те, кому знать об этом не следует?

— Нет, — возразил инженер, — это все уже принято в расчет, поверьте мне на слово. Небольшие подразделения, в том числе особые группы королевских саперов, приплывают в этот порт довольно регулярно. Многие из них сразу же отправляются дальше, в глубь острова — а ну, иди, гадай, кто-куда-зачем?

Капитан понимающе улыбнулся. Тем временем с верхушки грот-мачты раздался крик юнги, докладывающего о том, что он видит фонари приближающегося баркаса.

Арвел подошел к ограждению «короны» и, свесившись через перила вниз, выкликнул боцмана, приказывая ему немедленно поднять Трира.

Со стороны берега медленно приближались два огонька — белый и красный. Выполняя приказ Ладло, помощник рулевого поднял на кормовом флагштоке цепочку из трех фонарей с оранжевыми стеклами — особый сигнал транспортных судов королевского флота. Восток уже начинал светлеть тонкой пока, голубоватой полоской, отделившей море от черноты ночного неба. Арвел поднял голову: звезды тускнели. Он вздохнул. Несколько дней вынужденного отдыха закончились, впереди ждала неимоверно тяжелая дорога и — неизвестность.

На палубе появился Трир, застегивающий на ходу кожаную куртку с офицерскими нашивками.

— Береговая стража? — спросил он еще на трапе.

— Именно так, — ответил ему Ландо. — Сейчас подойдут.

Большая восьмивесельная лодка оказалась битком набита морскими пехотинцами. Прежде чем командовавший нарядом молодой офицер взялся за веревочный трап, четверо из них уже были на палубе. Ладло, Трир и Хадден спустились вниз.

— А, Диллвиц! — воскликнул капитан, отвечая на приветствие офицера, рослого парня, облаченного в ослепительно начищенный служебный панцирь с двухцветной лентой, соответствующей его должности. — Что-то вы сам не свой сегодня. Сильно устали? Могу

предложить немного вина...

— Рад вас видеть, капитан! — устало улыбнулся офицер. — От подогретого вина я и впрямь не откажусь. У нас тут случилось кое-что... Полоса урагана прошла с юга на север, нас она миновала аккурат перед закатом: у южного бара на скалах разбился посыльный бот, что шел из Налльде. Спасти мы не смогли никого. Комендант порта рвет и мечет, потому что там плыли какие-то важные люди. Он всю ночь не спал.

— Комендант? — нахмурился Ладло.

— Да, комендант у нас новый. Человек хороший, очень образованный, но... не морской, господин мой Ладло, не морской совершенно.

Матрос поднес вино в серебряной кружке. Диллвиц, вздохнув, сделал несколько больших глотков и снова повернулся к капитану.

— Заходите в порт прямо сейчас, не мешкая, — посоветовал он. — Ураган, конечно, не вернется, но мой старик рулевой утверждает, что погода сейчас просто опасна. Может начаться дождь, а за ним — «косая волна», и тогда вам придется ой как несладко.

— Ветер сейчас благоприятствует, — Ладло поднял глаза на Арвела.

Хадден кивнул. Погода действительно могла испортиться в любой момент, а допустить хоть малейшее промедление с высадкой он не мог — хвала богам, «Милашка» домчала их до места раньше срока, — так грехом будет тянуть дела теперь!

— Поднимайте паруса, господин капитан, — произнес он. — Вас же, господин Диллвиц, я попрошу как можно скорее уведомить о нашем прибытии его милость коменданта.

— Это я сделаю сразу же, — козырнул молодой офицер. — Итак, прощайте! Мне пора!..

Как только баркас отвалил от борта корабля, на палубе загрели барабаны, и матросы помчались по вантам, торопясь скорее сделать свою работу: согласно традиции, первые получали добавочную чарку.

— Буди наших ребят, — велел Хадден Триру. — Время еще есть, так что можно успеть позавтракать.

...Чтобы войти в порт, капитану Ладло потребовалось меньше часа. С каменной пристани Альер выглядел почти так же, как все приморские города, хотя кое-какие отличия Хадден все же заметил. Здесь было непривычно много храмов: разнокалиберные шпили торчали над красно-коричневыми крышами так густо, будто их засеяла щедрая рука земледельца.

«А может, — задумчиво сказал себе инженер, — так оно и было».

Пока матросы помогали сводить на берег лошадей, Арвел тепло попрощался со старым капитаном: допив свой бокал с разбавленным вином, Хадден махнул рукой и покинул гостеприимную «Милашку». Отряд ждал его на берегу. Дали сидела на своей кобыле, держа в руке поводья двух тяжеловозов, а Трир стоял возле лошади инженера.

— Куда теперь? — спросил он, шурясь от яркого утреннего солнца.

— К коменданту, — отозвался Хадден, — отныне за нас отвечает он.

Дорогу до резиденции коменданта порта ему подробно описал старший штурман, не раз бывавший в этих краях. Ехать было недолго: обогнув кварталы воняющих смолой и рыбой торговых складов, кавалькада выехала на широкую мощеную улицу, которая заканчивалась трехэтажным зданием с двумя башенками. На шпилях висели вымпелы королевского флота.

Завидев приближающийся отряд, караульные вызвали дежурного офицера. Тот оказался взволнован настолько, что даже не дал договорить Хаддену, решившему представиться по

всей форме:

— Его милость ждет... давно ждет вас. Прошу во двор, господа, поскорее. Эй, кто-нибудь! Что вы стоите? Помогайте господам завести лошадей, и... Скорее, умоляю.

— Свихнулись они тут, что ли? — недоуменно посмотрел на Хаддена Трир.

— Что-то случилось, — коротко ответил тот. — Давай живее.

Перепрыгивая через ступеньку, дежурный офицер повел гостей наверх. Он так спешил, что едва не рухнул на площадке второго этажа — его спас меланхоличный Гай, ловко подставив руку. Наконец перед Арвелом распахнулись двустворчатые двери комендантского кабинета.

— Марцел?!

Навстречу ему бежал по серому ковру толстоватый коротышка с гладким, розовым, словно у младенца, лицом, на котором выделялись большущие окуляры в черепаховой оправе. Одет был он в зеленый суконный мундир королевского инженера старшего ранга, который смотрелся на нем откровенно нелепо.

— Никогда бы не подумал, что ты умудришься так облысеть!.. — Арвел отступил назад, с улыбкой рассматривая своего старого университетского друга, с которым не виделся почти пятнадцать лет.

Они обнялись; комендант порта указал гостям на кресла вокруг огромного овального стола и махнул рукой двум слугам, что стояли, почти незаметные, рядом с буфетом. Слуги одновременно распахнули дверцы из гнutoго стекла и принялись выставлять на край стола вина и подносы с копченым мясом, сырами и фруктами. Марцел тем временем порылся в своем письменном столе и, подойдя к столу с другой стороны, вывалил несколько папок, в которых, как сразу понял Хадден, находились сложенные карты.

— Дело наше крайне осложнилось, господа, — несмотря на уморительную внешность, голос господина старшего инженера оказался твердым, даже властным. — Ваших проводников забрало море.

Трир негромко кашлянул.

— Ураган на закате? — спросил Арвел.

— Именно, — Марцел снял очки, помассировал переносицу, потом уселся в кресло у своего края стола. — Пейте, ешьте, что вы, словно каменные...

«Вот так-так», — сказал себе Хадден. Он намазал два ломтя еще горячего хлеба гусиным паштетом, положил сверху сыр, зелень и придвинул закуску к Дали. Марцел продолжал молчать, словно собираясь с силами. Его правая рука теребила завязки пухлой кожаной папки.

— Вашу операцию готовил начальник разведки 18-го королевского корпуса, — вдруг произнес он, — но теперь его тоже нет. Убит три дня назад во время инспекционной поездки на линию соприкосновения. При этом, — Марцел хмыкнул и криво улыбнулся, — отвечать за все перед его милостью господином Уллой придется именно мне и никому другому. Итак, у нас с вами нет ни плана операции, ни проводников, которые были в этот план посвящены. Я не имею понятия, где находятся опорные пункты на вашем маршруте, мне неизвестны имена людей, которые должны обеспечивать ваши переправы и смену вьючных лошадей. Так что — добираться вам придется самим.

Трир снова кашлянул, и на этот раз Арвел все же повернул к нему голову.

— Мы, собственно, и не рассчитывали на особую поддержку, — произнес Трир. — Не так ли, господин Арвел? Барон Лейен сообщил нам, что мы должны высадиться и добраться

до определенной точки, где найдется работа для взрывчатки. Да, о проводниках он там что-то говорил, но всерьез мы это все, кажется, и не воспринимали.

— Да-а? — с сарказмом застонал Марцел. — Ну, кто бы мог подумать? Боюсь, господину барону неизвестно, что Улла, так же как Совет Охраны Трона, считают Наэр самой опасной «дырой» во всей нашей обороне на юге. И заткнуть эту дыру просто нечем... Нет у нас сейчас сил, нужно время, а Хирц совсем не такой идиот, чтобы нам это время предоставить. Как только пройдут дожди и поля станут подсыхать, он начнет выдвижение. И нам придется либо отступать, либо погибать. Наша пехота не устоит под огнем его артиллерии.

— Лейен знает об этом, — спокойно перебил его Арвел. — И именно поэтому он и собрал наш отряд. Со мной идут люди, которым уже случалось пробиваться через незнакомую и даже враждебную местность.

— Но не здесь! — зловеще поднял руку комендант. — Не здесь, да спасут нас луны! Линия соприкосновения достаточно условна, в наших тылах бродят банды дезертиров с противоположной стороны, и есть сведения, что некоторые хутора находятся полностью под их властью. А я подозреваю, что не только хутора...

Он развязал, наконец, свою папку и достал из нее многократно сложенную карту на парусиновой основе.

— Это — карта князя Дастена, того самого начальника разведки, и насколько я понимаю, именно ее он подготовил для вас. Увы, но Дастен был человеком, способным перехитрить самого себя, так что разобраться в его пометках я смог хорошо, если на четверть.

Арвел и Трир встали со своих мест и подошли к коменданту. Крупномасштабная карта острова была отпечатана в превосходной королевской типографии, так что качество ее не вызывало нареканий. Хадден без труда нашел порт Альер и почти сразу — замок над ущельем, тот самый замок, где хитроумные Претенденты собирали свою артиллерию.

На этой карте расстояние показалось куда ему больше, чем тогда, в палатке барона. Хадден понимал, что это иллюзия, вызываемая разницей в масштабах карт, но сейчас ему отчего-то стало не по себе.

— Я вижу какие-то кружочки, квадратики и крестики возле некоторых населенных пунктов, — пробормотал он. — Но если это — наш маршрут, то я, наверное, то ли ослеп, то ли спятил. Мы не пройдем такой зигзаг за месяц. И, главное, зачем?

— Я и сам хотел бы это знать, — вздохнул Марцел. — Но, насколько я понимаю, главной своей задачей Дастен видел обеспечение вашей безопасности. Двигаться по прямой — слишком опасно. Видите ли, я всего лишь комендант морского порта. Да, я имею кое-какие особые полномочия от его милости господина конюшего, но фронт... разведка... н-нет, — он бессильно развел руками. — Дастен хорошо знал, какие районы для нас опасны, а в каких Трон еще держит силу, достаточную для того, чтобы вы могли миновать их без приключений.

— И что, — удивленно зашевелил бровями Трир, — у вас в штабе нет ни единого человека, хорошо знакомого с обстановкой? Нет ни одного местного жителя, знающего дороги и переправы?

Марцел встал и выпил бокал вина стоя. В его опущенных плечах Арвелу чудилось искреннее отчаяние.

— Да есть, в общем-то, — пробормотал комендант, глядя в окно. — К обеду сюда привезут одного старшину из группы Дастена, но он...

— Что он? Без ног, без рук?

— Он немного не в себе, как мне кажется. Я бы с таким парнем далеко не пошел.

Впрочем — решать вам, господа. Давайте пока вернемся к карте.

За воротами резиденции раздался стук копыт, потом — чей-то раздраженный голос, требовавший начальника караула. Трир поднял голову от жесткой парусиновой подушки, которую выдала ему старшая повариха, крупная рыжая тетка с невероятной глубины серыми глазами, и, вздохнув, привстал на локте. Отряд храпел на большущих тюках с соломой — чем не перины? — сваленных под навесом в дальнем углу конюшни. Солнце давно перевалило за полдень. Капитан снова вздохнул и упал обратно на свое импровизированное ложе. Инстинкты, приобретенные им за десятилетия службы, недвусмысленно намекали на то, что сейчас лучше выспаться впрок.

А обед, в конце концов, никуда от них не денется: разогреют.

Трир закрыл глаза, но сон уже не шел, зато все время чудилась литая, как два пушечных ядра, задница рыжей поварихи. Как раз в обед она клятвенно обещала ему «пару свободных минуток».

За низким каменным забором, отделявшим конюшню от двора резиденции, раздался скрип ворот, потом — неразборчивая ругань. Трир чихнул и проснулся окончательно.

— Неужто это любо-овь, — пропел хорошо поставленный баритон рядом с ним.

Обернувшись, капитан увидел лекаря, который лежал на боку в трех локтях от него и изображал руками игру на восьмиструнной киннаре.

— Ты циничный засранец, Гай, — проворчал Трир.

— Кто-то это отрицает? — хмыкнул тот. — И все же я постеснялся бы именовать засранцем человека, который, возможно, уже завтра будет шгопать твою задницу.

— Кхм... да, — согласился капитан.

Он встал, отряхнул с себя солому и двинулся в сторону кухни. Старшая повариха — звали ее Лея — сама, конечно же, у плиты не стояла. Ее делом была кухня целиком, включая расчеты с поставщиками, поддержание порядка на складе и составление меню с учетом тонких прихотей начальства. Второй, и пока последний ее муж, хозяин рыболовецкой флотилии, год тому не пришел с утреннего лова, а больше отчаянно занятой Лее не подвернулся никто.

Трир деловито прошел сквозь огромную кухню, где на трех печах остывали котлы с обедом для караульной роты, и, свернув в узенький коридорчик, остановился перед лакированной дверью.

— Кхм, — решительно сказал он сам себе, подкрутив усы таким образом, чтобы они приняли горизонтальный вид.

— Я уже слы-ышу, — мурлыкнули из-за двери.

Капитан еще раз осмотрел себя на предмет наличия соломы в одежде и толкнул дверь.

Лея ждала его возле собственного письменного стола, заваленного какими-то бумагами, с самой невинной улыбкой на лице. В руке она держала изящный, зеленого стекла стакан, наполненный вином.

— Ты наверняка устал на нашей жаре, капитан.

Трир понял, что он если и не убит, то, по крайней мере, ранен. Старому драгуну вдруг захотелось пасть на колени и ощутить в руках любимую киннару, доставшуюся ему от деда, поэта и драчуна. Однако ж киннара была далеко, а вино и роскошная женщина — рядом.

— О, луны, — простонал он. — Лея... Лея?

Она была уже рядом, расшнуровывая на нем кожаные штаны. Ее пухлые пальчики действовали необыкновенно ловко: Трир не успел даже понять, как, но вот он уже оказался практически голым перед одетой женщиной.

— Ого, — со знанием дела произнесла она и наполнила ему второй стакан. — Ну что ж, теперь держись.

Капитан Трир машинально проглотил сладковатое вино; Лея тем временем повернулась к нему спиной, дернула за шнурок у себя на спине, и длинное клетчатое платье с шорохом упало к ее ногам. Пошевелив задом, женщина развернулась и обвила Трира руками. Тот задохнулся. По совести говоря, он предполагал увидеть слегка свисающий живот и колышущиеся груди, однако Лея не имела ни того, ни другого: живот был плоским, будто у молоденькой девушки, а грудь... тут фамильный поэтический дар, которым так славилась его семья, вдруг отказал, и драгун застыл с нелепо выпученными глазами.

— Да-да, милый, — сказала Лея, — так тоже бывает. Только какое это имеет значение? Ты думаешь, мне, с моим-то ростом и моими запросами, легко найти себе мужчину? Ну-ну... Теперь давай-ка не ленись...

Она повернулась к нему своим сногсшибательным задом, прижалась, потом чуть отстранилась, ее пальцы скользнули по его лобку, и миг спустя он уже двигался, как заведенный, то открывая, то закрывая глаза, плохо понимая, что с ним происходит. Длилось это долго. Лея то останавливала его, то вдруг начинала сама биться в неистовом танце любви, заставляя Трира хрипеть и умирать от жажды. Несколько раз она вскрикивала, и тогда он ощущал, как схватывается спазмом ее лоно. После самого громкого крика Лея чуть сползла вниз — у Трира вдруг закружилась голова, он почувствовал, как ее спина, пахнущая, будто ванильное тесто, наваливается на него, и застонал.

Женщина тут же вывернулась, упала на корточки, и, схватив естество Трира губами, высосала все до дна.

— Спасибо тебе...

Он сидел в потертом кожаном кресле, она стояла перед ним, нагнувшись, и Трир с изумлением рассматривал крошечные веснушки на скулах и веселые, смешливые морщинки вокруг серых глаз — морщинки, которые он не видел раньше.

— Ты о чем-то жалеешь? — спросила она незнакомым ему голосом.

— О двух вещах, — с искренней грустью ответил Трир.

— Ты поделишься ими со мной?

— Я жалею о том, что мне скоро уезжать, и еще — о том, что со мной нет моей киннары.

— Мне никогда не пели песен о любви.

— Я кавалерист, — он поднялся и принялся завязывать штаны, — и боги вряд ли позволят мне вернуться с этой войны. Но если все же... Имена у меня, считай, что нет, зато денег я накопил изрядно.

— Я тоже не бедна, — горько вздохнула Лея. — А толку?

Платье уже было на ней. Налив два стакана вина, женщина, к удивлению Трира, вернулась за свой стол.

— Слушай меня внимательно. Полчаса назад сюда привезли Беззаконника.

— Кого? — переспросил Трир.

— Беззаконника, — терпеливо повторила Лея. — Сам он зовет себя Чернышом. Этот парень... — она вдруг достала из ящика стола здоровенную рыбацкую трубку, набила и

принялась неторопливо раскуривать, — в общем, господа Претенденты когда-то очень дурно поступили с его семьей, и с тех пор для него не существует ни законов войны, ни мыслей о милосердии. Не мне знать, куда и зачем идет ваш отряд, но если сюда привезли этого типа — он идет с вами. Мой тебе совет — верь ему, но одновременно — бойся. Ты — офицер и человек чести, а Черныш в любой миг может сотворить такое, о чем ты будешь сожалеть до конца своих дней. Ты, а не он!

Трир осторожно облизнул губы и постарался заглянуть в глаза своей случайной возлюбленной. Она ответила на его взгляд: сперва с неожиданной грубостью, но потом вдруг капитан снова разглядел и веснушки, и маленькие морщинки. Лея отложила трубку, встала из-за стола и подошла к Триру, чуть коснувшись его бедром.

— Моя бабка была служительницей при храме Далид, богини сада и осенних плодов, — тихо сказала она, беря его ладонь своей большой рукой. — в этом храме она служила долго, аж до тридцати лет. Потом жрица выдала ее замуж за хорошего человека, судебного поверенного, у которого было немного земли. На свадьбе жрица сказала странное: через поколение потомство по женской линии будет только от мужчины с Севера, и мужчина этот насквозь провоняется лошадьми. Внучка я у нее одна. А оба моих мужа, покойники, воняли рыбой.

Лея прижала его пальцы к своей щеке.

— Ты уйдешь и нисколько меня не обманешь. Скорее, ты обманешь, если вернешься. Ты дворянин, тебе некуда деваться от круга своих понятий. Война закончится, и ты получишь не только деньги, но и почести, уж так у нас все устроено. А я, в конце концов, найду себе кого-нибудь. Так что — не жалею о песнях, которые ты мне не спел. Ведь знакомы мы только с утра...

— Я слишком мелок для почестей, — вздохнул Трир, — борода уже седая, а я все еще капитан. Но песни мои будут для тебя...

Он кратко коснулся губами щеки Леи и вышел — порывисто, как застоявшийся конь. У дверей кухни мрачно подпирал стенку лекарь Гай.

— Один раз тебя уже искали, — сообщил он.

— Проклятье, — Трир содрогнулся. — И что?

— Я сказал, что у тебя проблемы с пищеварением. Пошли туда, во двор, бегом... Сделай несчастный вид и шнуруй на ходу штаны! Этот Хадден... ты до сих пор не понял, что он не любит разводить муси-пуси?

Гай Сач схватил капитана за рукав белой шелковой сорочки и поволок к низким воротцам, что отделяли конюшню от двора резиденции коменданта порта. Войдя во двор, капитан скорчился и принялся морщить нос, изображая при том вздохи.

— Что это с вами?

Комендант Марцел, беседовавший с Хадденом и незнакомым молодым человеком в зеленой кожаной куртке, резко обернулся и посмотрел на Трира с недоумением.

— Я... немного расстроен, — честно признался капитан.

— Так бывает, — понимающе вздохнул Хадден, и Трир вдруг увидел, как мягко улыбнулась ему госпожа Дали, стоящая, как обычно, за его спиной.

— Старшина Дий, — довольно резко представил зеленого парня Марцел. — Ваш проводник и вообще единственный, кто способен разобраться в картах покойного Дастена. Вам, капитан, я приказываю во всем слушаться его советов: он родился на острове и, хуже того, еще в детстве извездил его вдоль и поперек.

— Черныш, меня зовут Черныш, — улыбка старшины показалась Триру немного странной.

Он был и вправду черноват: черные глаза из-под густых черных бровей, вьющиеся черные волосы до плеч. Трир поймал себя на мысли, что девушки, пожалуй, от такого Беззаконника просто сходят с ума — и тут же его ударило ощущение прикосновения бедра Леи. Он хмыкнул.

— Что, простите? — удивленно поднял брови Черныш.

— Тысяча извинений, господа, — неподдельно закашлялся Трир. — Кажется, на корабле я умудрился глотнуть перекишшего вина.

— Мы выходим через полчаса, — объявил Хадден. — Ты, Манли, отвечаешь за лошадей. И да, Гай, — инженер повернулся к лекарю, — походную аптеку ты принял по описи, это я видел. Проследи за ней лично.

Трир кивнул и отправился обратно на конюшню. За его спиной комендант Марцел развернул на переносном столике карту Дастена, и над ней нагнулся Черныш.

В руке у него был тонкий карандаш.

— Эту операцию господин князь готовил втайне от всех, — пробормотал старшина. — И я, скажу уж честно, если о ней и слышал, то самым краем уха. Но разобраться в его пометках я, наверное, смогу. В конце концов, мне уже приходилось работать по его картам. Вот, например: квадратиками он всегда обозначал постоянные дворы, принадлежащие его людям. А вот овал на переправе — значит, паромщик там тоже из наших...

— Да, но тут нигде нет названий, — вздохнул Арвел, глядя, куда указывает карандаш Черныша. — Как мы найдем нужный постоянный двор?

— А другого выхода нет, — дернул плечом Черныш. — Мы берем с собой припасов на десять дней, иначе придется выючить еще лошадей... А чем и как вы их будете кормить? Нас ждет очень долгий дождь... В дожде наше спасение, но лошади, лошади? На одиннадцатые сутки нам все равно придется заходить то ли на хутор, то ли на ферму. А может, и раньше. Поверьте, князь Дастен очень хорошо знал и окрестности, и ситуацию здесь — везде, вокруг. И я скажу вам, что далеко не все жители острова рвутся оказывать поддержку силам Трона. Здесь очень легко получить пулю в спину, причем от человека, который только что вам улыбался. Господа Претенденты, — при этих словах глаза молодого старшины на миг сузились, и Арвел увидел в них такую ненависть, что его передернуло, — не жалеют денег на подкуп всех и вся: соответственно, доверять не следует никому...

Хадден покачал головой. Ситуация нравилась ему все меньше и меньше. Неожиданная гибель проводников поставила операцию под угрозу, и угроза эта, как говорил ему многолетний военный опыт, могла оказаться куда более серьезной, чем выглядела сейчас, под лучами теплого солнца. Бесконечный дождь не просто размочит все дороги и пастушьи тропы: он зальет уже поднявшиеся луга, а значит, питание для лошадей станет огромной проблемой.

Планируя дорогу к цели, князь Дастен учитывал фактор дождя в самую первую очередь. Но проводники лежат на дне моря, а все, что осталось — лишь карта с лишенным, на взгляд Арвела, всякой логики маршрутом и пометки старого разведчика, разобраться в которых придется каждый раз по месту.

Возможно, рискуя при этом головой...

— Нам пора в дорогу, старшина, — мягко произнес Арвел, глядя в темные глаза юноши. — Однако, прежде чем мы выступим, извольте дать мне слово в том, что вы не станете совершать необдуманных поступков — ведь без вас мы останемся слепыми, будто

котята.

— Это уж как получится, ваша милость, — вздохнул в ответ Черныш. — Но до места я вас, наверное, доведу — даже если это будет стоить мне крепко испорченного настроения.

Солнце лизнуло нижним краем своего ослепительного диска два высоких холма по правую руку, и Арвел Хадден ощутил некоторое беспокойство. Если верить карте, они уже давно — часа два, самое меньшее, должны были сойти с брусчатки королевского тракта и принять к востоку, однако Черныш, ехавший на своей крупной рыжей кобыле далеко впереди остальных, сворачивать и не думал.

Хадден второй раз за последние полчаса достал свой хронометр, после чего хлопнул лошадь по крупу и быстро догнал проводника.

— Вашу милость что-то беспокоит? — блеснул зубами юноша, поворачиваясь к инженеру.

— Мне казалось, что мы собирались повернуть, — прищурился Хадден. — Или обстановка поменялась?..

— Она меняется, — неопределенно ухмыльнулся Черныш. — Посмотрите туда, — и он указал рукой на юг. — Что вы видите? Я лично вижу абсолютно чистый горизонт, и ни намек на усиление ветра... Проклятый ураган отогнал линию дождя, он утащил ее с собой, а вот как далеко — одним богам известно. Дождь уже давно должен был залить здесь все вокруг, ваша милость...

— И что это означает для нас?

— Только то, ваша милость, что мы двигаемся гораздо быстрее, чем могли надеяться. К ночи мы дойдем до моста через Квир — дальше дорога становится грунтовой, но там, на противоположном берегу, мы сможем спокойно заночевать. Там есть заброшенная водяная мельница, и я знаю это место как свою ладонь. Мы выигрываем почти сутки, ваша милость, — по крайней мере, их дарит нам ушедший дождь.

Хадден согласно дернул головой и остановил лошадь, давая Чернышу снова уйти на сотню шагов вперед. Скоро его догнал Трир, ехавший во главе их маленького отряда.

— Мы слегка меняем маршрут, — объяснил ему Арвел. — Пока нет дождя.

— Я вообще не ощущаю его приближение.

— Да, я тоже — но здесь погода меняется совершенно неожиданно. Не забывай: «месяц дождя» давно уже в своих правах, так что нам следует пользоваться каждым сухим часом.

Королевский тракт был почти пуст, лишь несколько раз они обгоняли небольшие караваны из фур, груженных разным товаром,двигающиеся из портового города в глубь острова, а встречных не видели никого. Похоже, торговля на острове замерла, особенно в южном направлении. Арвел уже не раз видел, как все это происходит: сперва из городов бегут наиболее состоятельные люди, потом торговцы и ремесленники, а дальше — только голод и запустение, ведь подвозить товар уже некому да и незачем.

В сельской местности, конечно, голодная смерть не страшна, ибо боги благословили Пеллийский архипелаг невиданным плодородием, но зато леса полнятся бандами разбойников и дезертиров, не знающих ни страха, ни жалости. И пылают фермы, рушатся патриархальные гнезда мелких землевладельцев, а потом — висят со вспоротыми животами вчерашние удалыцы, пойманные отрядом королевских секуляторов.

Все это он видел; и подобная картина надоела ему до колик...

Сумерки сгущались стремительно. Ветрозащитная посадка вдоль тракта поредела, в просветах меж деревьев Арвел разглядел заросшие сорняком поля. Землю не обрабатывали

по меньше мере года два, и это было очень плохо: не так уж далеко от города они отъехали.

— Я чую воду, — неожиданно произнесла Дали, державшаяся на своей лошади рядом с Хадденом.

— Значит, мы вышли к мосту, — вздохнул инженер.

За ближайшим пригорком местность пошла вниз, а вскоре он и сам увидел в густом фиолетовом полумраке реку — широкую, с заросшим метельчатыми кустами берегом. Старый каменный мост, построенный, видимо, лет сто назад, свободно позволял разъехаться двум большим фурам. Слева от въезда на мост стояла будка смотрителя, в которой, однако, не светилося ни одного окошка, а от небольшого заборчика остались только несколько кольев.

— Спускаемся, — бросил Арвел капитану Триру и поехал вниз, к Чернышу, чья фигура слабо виднелась на фоне воды.

В небе уже зажглись сотни первых звезд, на севере висел над горизонтом серп вечерней луны, и света хватало вполне. Проводник стоял у самого моста, пристально глядя на противоположный берег — услышав приближение Хаддена, он резко обернулся.

— Когда-то здесь приходилось платить королевский мостовой сбор, — усмехнулся он, — по две медяшки с мужчины, по одной с бабы. Многим это казалось несправедливым. Впрочем, ниже по течению можно перебраться вброд — так вот чтобы этого соблазна не возникало, монахи придумали байку про водяного змея, питающегося самыми жирными селянами...

— А тощими, стало быть, он брезговал? — ухмыльнулся Арвел.

— А тощие, как правило, не столь жадные... Я еду первым, ваша милость. Разбойников здесь вроде бы нет, но все же.

— Но это как раз...

— Я их издали чую. Уж поверьте на слово.

Черныш прижал колени к бокам своей лошади, и она быстрым шагом взошла на мост. Хадден обернулся: отряд уже стоял позади. На лицах людей читалась усталость, ведь они ехали больше восьми часов почти без остановок. Лекарь откровенно дремал в седле, так же, как Гро со своими парнями, а молодой Морил, наоборот, выглядел неестественно сосредоточенным — покусывая губу, он пристально следил за удаляющейся спиной проводника.

— Нам есть кого остерегаться? — спросил Трир, погладив рукоять висящего на боку лошади меча.

— Шансов немного, — кашлянул в ответ Хадден.

— Я серьезно, — нахмурил брови капитан.

— А если серьезно, то всякого дерьма на острове просто тьма. Это тебе не Север, друг мой — тут война идет так давно, что про мир они все уже позабыли.

Трир понимающе качнул головой. Между тем на противоположном берегу три раза чиркнуло огниво, и Хадден поднял руку над головой:

— Поехали!

Водяная мельница, о которой говорил Черныш, обнаружилась в двухстах шагах ниже по течению. Судя по всему, хозяева покинули ее относительно недавно, и все строения, включая приземистое жилище мельника, находились пока в относительном порядке.

— Не в дом, — сразу предупредил проводник. — Дом закрыт, его никто не трогает. Не полезем и мы! Нам хватит места вон там, — он указал на бревенчатое строение под толстой соломенной крышей. — Лошадей оставим под навесом.

Хадден не стал спорить. Оставив отряд на попечение Трира, он вошел вслед за юношей в просторное помещение, способное, при необходимости, принять целую роту. Ночь уже сияла мириадами звезд, и сквозь три небольших окна лился серебристый свет, немного непривычный для Арвела, потому что он вырос гораздо севернее, там, где летние ночи не могли похвастать такой близостью неба. Арвел разглядел большой очаг у торцовой стены, длинные полаты и кучу сухой соломы; неподалеку от очага виднелся стол.

Черныш деловито порылся в кожаном мешке, который он снял со своей лошади, достал оттуда масляный фонарь и защелкал кресалом, вырубая огонь. Кресало, как с удивлением разглядел Арвел, у него было новенькое, столичной работы, с фитильком из плотнотканого ремешка, пропитанного соком дерева ларк: стоила такая вещь немало, особенно здесь. Запалив фонарь, Черныш тщательно завинтил головку кресала и спрятал его за пазуху.

— Да, — произнес он, поймав взгляд Арвела, — бывает и такая добыча.

— Добыча? — удивленно нахмурился инженер.

— А я, по-вашему, служу за жалованье? Надо оно мне... Все сложнее, ваша милость, все куда сложнее. Огонь — моя рука, — вдруг запел он негромким, но уверенным голосом, — и лед — карающий мой взор, и там, куда ведет меня тропа, там смерть и мор, лишь только смерть и мор...

Хадден ощутил легкий холодок в груди, но никак не отреагировал на странную песню — чем, похоже, немного удивил проводника. Впрочем, думать об этом было некогда: через порог переступила Дали с мокрым после умывания в реке лицом, а за ней ввалился сперва Трир, а за ним и все остальные.

— Огонь разводить не будем, и вообще — поменьше света, — решительно распорядился Черныш. — Поужинаем холодным, а я встану до росы и поставлю котелок для утренней похлебки. Так будет лучше, поверьте мне на слово.

...Хадден проснулся от слабого запаха дыма. Горела, как понял он в полусне, прелая солома, и еще — совсем рядом, буквально под окном, пронзительно свистела какая-то птица.

Он открыл глаза. Серая предрассветная муть едва освещала помещение, где на куче сена вповалку спали его люди. Не хватало Гро. — Видимо, сейчас он стоял в карауле, да отсутствовал Черныш. В очаге огонь лениво облизывал несколько аккуратно сложенных в четвертушку поленьев, меж которых догорал пучок той самой соломы. По бокам от дров торчали воткнутые в землю железные рогатины — их Чернышу выдал перед сном Арвел.

Тонкая рука легла ему на грудь, и, повернувшись, Хадден увидел улыбающиеся глаза Дали.

— Первая ночь на этом острове, — беззвучно произнесли ее губы.

— Да, — кивнул Хадден. — Да... Спи пока. Я подниму тебя, когда будет готов завтрак.

Она молча помотала головой. Прежде чем Арвел успел подняться, девушка выскользнула из-под шерстяного одеяла, стряхнула с себя прилипшую солому и застегнула на бедрах пояс с пистолетами, а потом растаяла в дверном проеме. Арвел проводил ее взглядом, усмехнулся и спрыгнул на дощатый пол.

Над рекой висел густой туман, сквозь который еле пробивалось золотистое сияние восходящего солнца, причудливым образом высвечивая контуры огромного старого моста, который казался сейчас доисторическим чудищем, застывшим над темной медленной водой. В зарослях трубчатого длиннолиста, нависающих над берегом, что-то звякнуло. Арвел опустил руку к пистолету на перевязи, но из зелени появился Черныш с объемистым медным

котелком в руке.

— Как спалось, ваша милость? — негромко поинтересовался он, остановившись возле Хаддена.

— Вполне, — улыбнулся в ответ инженер. — Буди Трира, ему пора поднимать людей. Питаемся мы из общих запасов, так что...

— Я так и знал, — кивнул проводник. — Сейчас в карауле старшина Гро, вон он, на дереве, видите? Я думаю, пусть он посидит там еще с четверть часа. Когда станет совсем светло...

Арвел прикрыл глаза, соглашаясь с юношей. Он уже догадался, что безопасная территория осталась на том берегу, брошенные поля недвусмысленно намекали на это, да и мельница — дело прибыльное, больших денег такое раньше стоило.

«Раньше, — повторил он про себя. — Вернутся ли когда-нибудь ее хозяева?»

В «длинном доме» послышались голоса проснувшихся солдат.

— Дали! — негромко позвал Хадден.

— Я уже здесь.

Она вышла из-за угла, вытирая влажное лицо льняным полотенцем. Арвел ласково коснулся ее плеча, потом зашагал к воде. Когда он вернулся в дом, из котла уже тянуло ароматами мясной похлебки с сушеными овощами. Трир и Гай Сач сидели с трубками за столом, лейтенант Морил сосредоточенно начищал свой панцирь тряпочкой, пропитанной зеленой абразивной пастой. Старшины Биззи и Лейф торчали на корточках возле огня, глядя, как Черныш помешивает варево деревянной лопаткой.

— До завтрака еще есть время, — Арвел глянул на них сверху вниз, и оба тотчас вскочили на ноги, — а вот потом я его вам не дам. Займитесь лошадьми. Морил! Оставь свое железо и сними с дерева Гро, а том он там уже прилип, как я видел.

— Да, ваша милость! Будет сделано!

Все трое мгновенно вылетели на воздух, а Хадден, ни на кого не глядя, вытащил из груды своего багажа плоскую сумку твердой кожи.

— Посмотрим пока сюда, — произнес он, расстилая на столе ту самую карту, что вручил ему комендант Марцел. — Сейчас мы здесь, — его палец уверенно ткнул в черточку моста, что перегораживала длинную, сильно петляющую синюю полосу, идущую с северо-востока на запад, к океанскому берегу. — Черныш! Брось пока это хлебово, оно уже почти готово. Какие ты имеешь мысли по нашему дальнейшему маршруту?

— Мы выиграли сутки, — склонил голову проводник, — но дальше нас ждет не королевский тракт, а сельские дорожки, чаще даже тропы... Пока нет дождя, мы можем двигаться куда быстрее задуманного, поэтому... — Юноша поднял с пола соломинку и провел почти прямую линию от моста до какого-то местечка в сотне лонов на юго-восток. — Через трое суток мы должны быть вот здесь.

— Крепость Рилц, — прочитал на карте Арвел. — Что означает желтая решеточка южнее нее? Это какой-то значок покойного Дастена?

— Именно так, ваша милость. Рилц — последнее место, где Трон уверенно держит власть. Дальше начинается прифронтная полоса, а за ней — сотни лонов «серых территорий»: кое-где на этих землях стоят наши аванпосты, ведущие наблюдение за противником, но ни о какой власти там не идет и речи. Сейчас там правят либо банды, либо старые бароны, собравшие, как встарь, свои собственные отряды. Большинство из них держат руку Трона, но отделить слова от дел не сможет, пожалуй, сам святитель Бран.

— Святитель Бран, — задумчиво повторил Арвел и краем глаза увидел, как Гай Сач прикоснулся указательным пальцем ко лбу, — да, уж он-то умел видеть и отделять. Особенно голову от шеи, не правда ли?

На лице проводника появилась понимающая улыбка.

— В Рилце мы сможем пополнить запасы провизии, особенно корма для лошадей, и потом — строго на юг, огибая поворот реки Вааль-Данг, вот он на карте... Если нам удастся благополучно пройти через эти проклятые болота, то до цели останется не более десяти дней пути. Но это, разумеется, вариант самый удачный. Сказать, чтобы я на него рассчитывал — так нет, ваша милость, не скажу.

— Хорошо, — Арвел согласно тряхнул головой и сложил карту. — Завтракаем, и — вперед. Вперед, пока нет дождя!..

Следующие двое суток отряд двигался по совершенно безлюдной местности. Черныш специально вел их рощами, неудобьями и заброшенными полями — лишь изредка на горизонте появлялись фермы или старые, окруженные парками, усадьбы. Тогда проводник брал в сторону, подальше от людских глаз. Ночевать приходилось на лесных полянах, завернувшись в одеяла и укрывшись попонами. Впрочем, ночи были теплыми, так что никто не жаловался. Черныш добился своего: за все это время они не встретили ни единой живой души.

К закату третьего дня леса остались за спиной. Поднявшись на вершину невысокого холма вслед за Чернышом, Арвел удивленно провел рукой по лбу — внизу, сколько хватало глаз, простиралась зеленая низина, и где-то далеко, чуть правее, поблескивала в оранжевых солнечных лучах речная волна.

— Это Вааль-Данг? — спросил Хадден, соображая, где они находятся.

— Здесь река относительно узкая, но глубокая. Дальше, — проводник указал рукой направо, — начинаются Большие Петли. Там почти сплошные болота, и нам придется их обходить.

— Почему не переправиться в Рилце?

— Мы обсуждали это, — негромко усмехнулся Черныш. — Потому, что нам придется переправляться дважды... А небо парит, и ночью, боюсь, придет дождь.

Арвел достал из седельной сумки подзорную трубу. Ему казалось, что отсюда, с холма, он уже видит печные дымки города. Мощная оптика придвинула горизонт, и Хадден смог разглядеть не только струйки угольного дыма, но и несколько храмовых шпилей.

Рилц был прямо перед ним.

— В город нужно успеть до темноты, — решил Хадден. — Если я помню карту, дорога в лоне от нас? Или еще ближе?

— Мы рядом с ней, — отозвался Черныш и, не говоря более ни слова, поскакал вниз с холма.

Через десять минут они выбрались на широкую, плотно убитую колесами и копытами дорогу. Впереди виднелась почтовая станция, у бронзового столба коновязи уныло жевали солому две оседланные лошади. Когда отряд проезжал мимо, на крыльцо двухэтажного здания почты вышел мужчина средних лет в неполном мундире офицера королевской артиллерии и очень пристально посмотрел на Арвела. Хадден ответил ему безразличным взглядом, и тот отвел глаза, но долго еще пялился в спины солдат. Хаддену это не понравилось, однако он отнес этот тяжкий взгляд на счет близости фронта и неизбежной сейчас всеобщей подозрительности.

Скоро впереди показались крыши предместий, за которыми темнела в вечерней тени каменная стена крепости. Задумчиво шурясь, Арвел рассматривал недавно отремонтированные навесные башенки с узкими крестообразными бойницами и характерную для Южной Пеллии бикрам — острую крышу над самой стеной, выложенную тщательно обожженной черепицей. В принципе бикрам можно сбить артиллерией, но пока она цела, защитникам не страшны горящие дротики, выпускаемые метательными машинами и летящие сверху вниз на внутренние оборонительные галереи.

Четыре — по числу сторон света — огромные круглые башни, нависающие своей

каменной мощью над стенами, также выглядели самым лучшим образом, из чего Хадден сделал вывод, что восстановлением старинной крепости занимались знающие люди. Очевидно, здешние владельцы готовились противостоять Претендентам всерьез, иначе откуда бы взялись деньги на всю эту роскошь, включая длинные стволы пушек на верхних площадках башен? Пушки эти, как видел Хадден, изготовили совсем недавно, под использование новейших порохов князя Квитцена, и четыре такие батареи могли простреливать всю долину реки на очень большое расстояние.

На въезде в дальнее предместье дорога оказалась перегорожена стеной из мешков с песком; возле узкого — такого, чтоб пропустить одну фуру, — прохода стояли трое солдат и сержант пехоты с бронзовым караульным жетоном на груди. Издалека завидев приближающихся людей, сержант выступил на середину дороги, а его подчиненные проверили замки своих ружей. Солдатики выглядели совсем детьми, но по их движениям, по манере держать оружие сразу чувствовалось, что первый бой для них уже давно позади.

Не доехав до сержанта пяти шагов, Арвел остановил лошадь и спешился. Из плотной кожаной сумки, что висела у него на боку, он аккуратно достал сложенный вчетверо лист с красной печатью на шелковом шнуре. Сержант внимательно прочитал документ и задумчиво подергал себя за ус.

— Боюсь, ваша милость, что мне придется позвать начальника караула.

— Это твой долг, — Арвел был раздражен, но постарался ответить вежливо и мягко, так, как полагалось человеку его положения при общении с нижними чинами.

Усач отправил куда-то одного из своих мальчишек, и спустя пару минут тот вернулся с лейтенантом — таким же юным и розовощеким. Заглянув в черные глаза офицера, Хадден коротко поджал в досаде губы. На этом благословенном острове, кажется, воевать начинали с пеленок. Такого он еще не видел, хотя и знал, что в последние годы королевская армия очень помолодела...

Представившись, лейтенант дважды изучил бумагу, после чего вернул ее хозяину и вздохнул:

— Вашей милости, как я понимаю, будет необходимо отметить у военного коменданта?

— Нас ждут кое-какие припасы, — кивнул Арвел. — До рассвета мы уже должны быть в пути.

— Комендант вместе со своими людьми квартирует в северной башне, — офицер указал большим пальцем себе за плечо, — и сейчас он, как я понимаю, должен быть на месте. Прошу меня простить, но выделить провожатых я вам не смогу.

Арвел только махнул рукой в ответ. Когда он взобрался на лошадь и двинулся вперед, Черныш немного отстал. Краем глаза Хадден вдруг увидел, что проводник свесился со своего коня и что-то спрашивает у лейтенанта, на что тот удивленно приподнимает плечи, — но эта ерунда господина инженера уже не интересовала, ему хотелось скорее закончить с комендантом и получить наконец нормальный горячий ужин с кружкой вина.

Ворота крепости оказались распахнуты, вокруг валялась солома и всякий мелкий мусор. Две торговки курами, сидящие в окружении клеток с одурелым на жаре товаром, проводили отряд любопытными взглядами — похоже, чужие люди теперь посещали Рилц нечасто. До северной башни ехать пришлось узкой улочкой, застроенной домами когда-то солидных торговцев и ремесленников. Арвел с усталой тоской смотрел на резные ставни, краска на которых давно облупилась, однако про ремонт здесь уже и не думали, а ведь до войны любой

цеховой мастер предпочел бы треснуть напополам, нежели допустить такое безобразие. Но здесь, по крайней мере, еще не было ни осад, ни обстрелов — город выглядел сильно обедневшим, и только.

До голода и крыс было еще далеко, хотя эти две черные тени уже маячили где-то там, на юге.

Жилые кварталы закончились резко и даже неожиданно. Выехав на круглую площадь с несколькими торговыми павильонами, Арвел увидел впереди стену из глыб серо-коричневого камня, сложенную, судя по всему, совсем недавно. Стена достигала высоты в три человеческих роста, немного скрадывая величие громадной северной башни, что нависала над всем кварталом. У стены виднелись остатки некогда пышного сада, и Хадден не сразу разглядел прямоугольные ворота, перед которыми торчали четверо стражников с укороченными кавалерийскими ружьями.

Здесь документы проверяли еще более дотошно, чем на дороге. Лейтенант вызвал капитана, а тот пожелал проверить содержимое седельных сумок и баулов. Отказать ему было нельзя, так что досмотр занял еще четверть часа, заставив Арвела позеленеть от раздражения. Солнце уже почти село, времени оставалось все меньше, и он стал чувствовать, как ноет измученная за последние дни спина.

Закончив шарить по сумкам, капитан махнул рукой, приказывая следовать за ним. В седло уже никто не садился, лошадей повели в поводу. Двор за стеной произвел на Арвела хорошее впечатление, здесь явно следили за порядком с тщанием, обычно несвойственным маленьким провинциальным гарнизонам. Никто не шатался без дела, брусчатка выглядела тщательно выметенной, и, главное, — во дворе нечему было гореть. Несколько пристроенных к стене навесов имели кирпичные столбы и черепичную крышу, каких-либо деревянных строений Хадден не увидел вовсе. У тяжелых железных дверей башни капитан остановился, покрутил головой и кликнул солдата, возившегося неподалеку с продырявившимися кузнечными мехами. Арвел не расслышал, о чем они говорили, однако солдат умчался куда-то за башню, а капитан так и остался возле дверей, раскуривая с самым невозмутимым видом трубку.

— Я уже ничего не понимаю, — вздохнул Трир, стоящий рядом с инженером. — Нас так и будут здесь мариновать до рассвета?

Арвел провел рукой по лбу, сморщился:

— На беспорядок тут не пожалуешься... не знаю.

Солдат вернулся очень скоро, и не один. В шаге позади него спешил толстоватый коротышка лет сорока с раскрасневшимся лицом, на ходу вставляющий руки в синий мундир полковника королевской пехоты — сзади, суетясь и спотыкаясь, ему помогал старенький лакей, словно вчера покинувший традиционную помещичью усадьбу. На лбу полковника красовался узел свернутого жгутом полотенца.

— Э, — выдавил Трир, не желая верить своим глазам. — Ой.

— Вечер добрый, господа мои, — закашлялся полковник, подойдя, наконец, к Арвелу и Триру. — Я, с вашего позволения, — комендант Скил, князь Тарниц. А вы, как я понимаю, те самые люди, о которых мне велел позаботиться Дастен? Где он? Он не с вами?

— Дастен погиб, — Арвел сунул руку в сумку и протянул Скилу письмо от Марцела. — Здесь все о нас, ваша милость: извольте ознакомиться.

Комендант ловко сломал печать и пролетел глазами по тексту, после чего сунул письмо в боковой карман и повернулся к капитану, который привел отряд сюда:

— Живо людей разгрузить лошадей! Овес, навес, старшего конюха с учениками! Живо дежурную смену поваров, баню, виночерпия наверх, прачек со свежим бельем, приказчика третьего склада! Две минуты!

Капитан крепко стиснул зубами свою трубку, кивнул — и исчез. Просто растворился, будто его здесь и не было. Арвел посмотрел на смешного коменданта с искренним уважением. Похоже, что задавать вопросы он своих людей отучил раз и навсегда, особо не разбирая, где солдат, где офицер...

— Гро, — позвал Трир, — останетесь с лошадьми. Потом, наверное, вас проведут к нам, но за лошадой отвечаешь головой.

— Это ясно, ваша милость...

— Прошу вас наверх, господа мои, — комендант с чуточку детской улыбкой заглянул в глаза Хаддена и Трира, — ужин будет разогрет через несколько минут. Вижу, вы устали с дороги? Признаться, я не ждал вас так скоро! Впрочем, все, что мне было велено приготовить, я собрал в самом лучшем виде, так что уж здесь никакой задержки не будет, вы сможете выступить, когда сочтете нужным.

— К рассвету, господин князь, — ответил ему Арвел, поднимаясь вслед за Скилом по крутой каменной лестнице.

— Так рано? — обернулся тот. — Хотя да, я понимаю. Вы ожидаете дождя... что ж, дождь начнется завтра ровно в полдень.

— Вы так уверены?

Они остановились в широком зале на третьем этаже, и комендант распахнул дверь своей резиденции.

— Моя семья держит окрестные земли уже пять столетий, — просто ответил он на вопрос Арвела. — И поверьте, я ощущаю себя земледельцем в куда большей степени, чем солдатом, хоть и отдал королевской службе без малого двадцать лет. А земледелец, да будет вам известно, зависит не только от кредиторов, но и от погоды.

Обиталище коменданта представляло собой просторную комнату с двумя высокими узкими окнами-бойницами, которые изнутри можно было закрыть сдвижными ставнями из толстого железа, способного выдержать по крайней мере шрапнель. Едва войдя, Скил бросился разжигать масляные лампы, а старик-лакей, неотлучно следовавший за своим хозяином, заботливо выдвигал стулья, окружающие длинный овальный стол. Закончив с лампами, комендант извлек из кармана еще один ключ и отпер здоровенный буфет в торце комнаты. Его лакей только и успел вытащить оттуда стопку серебряных тарелок, как в помещение толпой повалили прачки с корзинками, повара, несущие салаты и фрукты, жутко потный виночерпий с тремя огромными кувшинами и, наконец, складской приказчик в круглых окулярах, скромно застывший у двери.

Глядя то на юных разбитных прачек, которые, ни на что не обращая внимания, уже вертели Трира и Черныша, подбирая им свежие рубахи по размеру, то на виночерпия, определившего кувшины возле стола и затеявшего какой-то спор со старичком лакеем, Арвел вдруг понял, что все это значит, — его тотчас разобрало на хохот, но он все же сдержался.

Опрятные и вежливые солдаты, молниеносно-исполнительный капитан, равно как весь этот удивительный порядок в крепости, означали только одно: комендант Скил превратил доверенный ему участок обороны в усадьбу старого землевладельца с ее раз и навсегда заведенным укладом бытия. И фермеры-арендаторы, и свора приказчиков, отвечающих за хозяйский доход, и вся многочисленная домашняя прислуга — все знают свое дело, свое

место и свой час. Двор всегда выметен, конюхи пьяны, но в меру, повара не опаздывают с обедом ни на секунду. Лень и нерасторопность караются штрафом, сами же хозяева как минимум полдня проводят то в полях, то в расчетах с поверенными, не чураясь лично планировать ремонт оросительных систем или проверять амбары. Такая усадьба дает «и доход и почет», однако ж стоит чуть отпустить вожжи, как сгорит под солнцем урожай, уйдут к ростовщикам фамильные реликвии, а потом падет и дом, любовно выстроенный поколениями предков.

Прачки, немного замешкавшись с Дали, наконец выдали всем хрустящее крахмалом белье и, подмигивая офицерам, убежали. Очкарик-приказчик тихонько переговорил с комендантом, который вдруг принял ужасно строгий вид, и тоже ушел, остался только виночерпий, уже занявший свое место у стола, да поваренок с большим ножом, готовый нарезать холодную говядину.

Устало вздохнув, полковник — хотя сейчас, не столько комендант, сколько радушный князь, принимающий гостей, — махнул рукой и попросил всех садиться. Согласно этикету, Дали уселась по правую руку от него, заставив Скила слегка покраснеть от удовольствия. Слева сел Арвел, по бокам — невозмутимый лекарь Сач и Эйно Морил, почти засыпающий от усталости, а за ним Черныш. Трир занял место напротив хозяина, так как три стула остались за старшинами, которые пока еще возились с лошадьми.

— Прощу отведать, господа мои, — уютно улыбнулся комендант. — Впереди, боюсь, вас ждет не самый легкий путь. Уже к послезавтрашнему утру дороги начнет размывать.

— Дождь сильно задержался в этом году, — заявил Черныш, наблюдая за тем, как виночерпий наполняет его бокал.

— Такое бывает раз в два десятилетия, старшина, — ответил Скил. — Но «солнечной смерти» не будет, для урожая воды хватит вполне. Хотя какие сейчас урожаи...

— Мы видели множество брошенных земель, — пробормотал Арвел. — Хотя здесь, как мне говорили, местность пока безопасна. Куда делись все эти люди?

На лице князя появилось страдание столь острое, что Хаддену самому стало больно.

— Остров покинули тысячи людей... десятки тысяч. Виной всему — слухи о невыразимых жестокостях, творимых войском Претендентов... хотя слухи эти, в общем-то, небеспочвенны, так что винить беженцев не в чем. Выпьем за Трон, господа! — с какой-то безнадежностью в голосе произнес комендант. — Другого солнца у нас не будет.

Как только бокалы вернулись на стол, в дверях появился Гро со своими людьми. У каждого под мышкой торчал белый сверток: очевидно, прачки добрались и до них.

— Лошади размещены наилучшим образом, ваша милость. Здешние конюхи знают свое дело как надо, так что волноваться нам не о чем. Запасы овса на дорогу я принял под роспись.

— Отлично, — проворчал Трир, — мы только что пили за Трон, так что садитесь и не теряйте времени.

— Ваши люди производят впечатление настоящих молодцов, — заметил Скил, вежливым кивком повторяя распоряжение капитана. — У меня опытных вояк совсем немного, по большей части молодежь. Впрочем, на лучшее рассчитывать не стоило. Хвала богам, дворянство провинции собрало хорошие деньги на ремонт этой старой развалюхи и, главное, на пушки. Когда неприятель приблизится, сюда зайдут отряды моих соседей, а там найдется пара знающих артиллеристов. Думаю, мы сможем продержаться достаточно долго.

— С такими пушками вы легко можете контролировать всю долину вокруг Больших

Петель, — сказал Арвел. — Особенно, если твердо принять в расчет тот факт, что наступать через болота Претенденты не смогут.

— Вы хорошо разбираетесь в этом деле? — блеснул глазами комендант.

— Достаточно, господин князь, достаточно. Мне довелось учиться фортификации у самого Форана, и помучил он меня изрядно. Я полностью одобряю выбор тех, кто заказал именно эти орудия. Надеюсь, вам известны их преимущества, и у вас хватит боеприпасов: если так, приблизиться к Рилцу осмелится только самоубийца. Для начала я рекомендовал бы не тратиться на шрапнель, а припугнуть неприятеля с дальней дистанции при помощи фугасных гранат, выставляя трубку на небольшую задержку. Очень может быть, что такая стрельба вовсе отобьет у них желание штурмовать вашу крепость.

— Спасибо за совет, господин Хадден. Все может быть; в общем-то, наших войск на острове предостаточно, и в случае осады нам обещали немедленную помощь с севера. Успеют ли — вот вопрос. К югу от нас творится подлинный ужас. С дисциплиной дела у Претендентов обстоят крайне дурно, линия фронта условна, и по «серой полосе» рыскают банды то ли диверсантов, то ли дезертиров, от которых нет никакого спасения. Командиры наших постов высылают по две-три сотни конных на поиски этих мерзавцев, однако толку от такого дела немного. Там, на огромных пространствах, вы можете не встретить ни единой души, хранящей верность Трону, только разбойников да запуганных фермеров, что не успели или не смогли дать ходу в сторону моря. Дело это становится нестерпимым, скоро уже остров не сможет прокормиться, а ведь еще недавно мы поставляли первосортный товар на все стороны света. Ко мне приходят несчастные люди, задающие один и тот же вопрос: «Когда может закончиться эта проклятая война?», но я не знаю, что им ответить. Впрочем, этого не знает никто.

— Скоро она не закончится, — угрюмо выдавил Хадден.

— Вы так считаете?

— Увы, да. В данный момент доступные ресурсы Претендентов превышают наши. Мы упорно делаем вид, что война — дело только и исключительно Трона, тогда как Претенденты, наоборот, поставили на свою победу все, до последнего гроша. Именно поэтому их солдаты безжалостно вырезают всех и вся, не щадя ни малых, ни великих. Им просто уже нечего терять, они не рассчитывают на какое-либо примирение. Таких войн Пеллия еще не видела. Мы считаем, что война началась из-за нелепого казуса, раздутого в обиду болезненными амбициями, а они утверждают, будто бы виной всему презрение Трона к самим основам, к фундаменту, на котором выстроено здание пеллийских свобод и тысячелетних традиций. Хуже того, для них сторонник Трона — и не человек вовсе, а так, скотина, лишённая почтения к законам и обычаям.

— Да, я читал те гнусные листки, что распространяют их наемники, — вздохнул комендант. — Читал и не мог понять: разве когда-то пеллиец был несвободен? Разве у нас были в ходу те отвратительные порядки, что мы наблюдаем у варварских народов? О каких, будь я проклят, традициях и обычаях они твердят? Право Слова, равно как и Право Воли были и остаются так же незыблемы, как и тысячу лет назад, — а права на Трон, ну извините, на то есть Сенат и жречество, им и решать. Так нет же, кому-то показалось мало. Они хотят перевернуть все вверх дном? Пусть — но зачем? В нашей истории уже бывали случаи, когда простой народ, лишённый даже владетельных вождей, сносил, как лавина, и троны, и дворцы. Это они хотят видеть итогом своей победы? Или им нужна Пеллия — пустая от людей, покрытая вместо пшеницы кровью?

Комендант раздраженно стукнул своим бокалом по столу, и виночерпий тут же взялся за дело.

— Ты лучше ступай себе, голубчик, — мягко, но повелительно сказал ему Скил. — Мы уж тут сами... Старшина, — повернулся он к Гро, — не передадите ли вы мне оба кувшина? Вино сегодня я буду наливать сам.

Атвиц вскочил и чуть смущенно перехватил кувшины из рук виночерпия, чтобы передать их князю.

— Если вам будет угодно, я всегда к услугам вашей милости, — пробормотал он.

— Не дело солдату прислуживать за столом, — оборвал его комендант, — тем более такому вояке, как вы, старшина. Садитесь и предоставьте это мне... Сейчас я передам вам карту, о существовании которой не следует знать никому. Не то, чтобы я перестал доверять своим слугам, но в случае осады возможно всякое.

Князь Скил поднялся, прошел за свой письменный стол, находившийся в углу кабинета, и, повозившись с ключами, распахнул дверцу правой тумбы.

— Вот, — сказал он, передавая Арвелу пакет из плотной серой бумаги. — Посмотрите на привале. Карта эта — крупномасштабная, ее заказывали для земельного ведомства, и я отметил на ней те поместья, где вы с полной уверенностью можете рассчитывать на приют и защиту. Верных людей, обладающих достаточной силой, осталось немного, но все же они есть. Вам достаточно будет показать эту карту, и вас примут самым лучшим образом.

— Это большая удача, — с благодарностью поклонился Хадден. — Кто знает, что ждет нас впереди?

— Боюсь, что ничего хорошего, — покачал головой комендант и поднял бокал с вином. — Но такие люди, как вы, способны одолеть этот путь. Будь я жрецом — вложил бы душу в благословение, но так как я — это всего лишь я, то примите, по крайней мере, мои пожелания!.. Хочу, чтоб вы дошли и чтоб вы все вернулись.

То утро Арвел Хадден вспоминал потом как самое туманное в своей жизни.

Они вышли из города за полчаса до рассвета; мать стояла такая, что ехать можно было, только лишь ориентируясь по звуку копыт впереди идущей лошади. Черныш, знающий местность как свои пять пальцев, сразу же повел их юго-западной дорогой, заранее при этом предупредив, что если дождь начнется раньше обещанного полудня, то часть пути им придется шлепать по жуткой грязи.

В какой-то момент Арвелу стало казаться, что солнце не поднимется никогда. Постепенно мир вокруг него из вязко-черного стал серым. В туманном полумраке впереди болтался хвост лошади Черныша — и это было все, что он мог разглядеть хоть сколько-нибудь отчетливо. Каким образом их молодой проводник ориентировался в этом странном мире, было для него загадкой, однако дорогу они не потеряли ни разу. Сам Арвел не видел практически ничего, он тонул в этой серости, и только глуховатые, странно искаженные звуки говорили ему о том, что сам он пока еще жив и окружен людьми: за спиной у него постукивали копыта, звякал металл оружия и снаряжения солдат. Повернув голову, Хадден обнаружил, что восток все же светлеет и теперь уже можно различить темные пятна движущихся в некотором отдалении всадников, каждый из которых вел за собой транспортную лошадь, навьюченную припасами. Гро и молодой лейтенант вели по две, так как старому вояке достался наиболее смирный из тяжеловозов Арвела, а за Эйно, кроме его лошадки, шла пегая кобыла Черныша.

Вскоре местность стала понижаться, и откуда-то слева донесся слабый плеск воды. Арвел понял, что они вышли к реке, точнее, к одной из тех самых Петель, обойти которые им предстоит. Дорога оставалась достаточно сухой, так что темп продвижения устраивал его вполне. Через четверть часа Хадден разглядел густые заросли водяного круглолиста, за которым темнела медленно текущая вода; туман редел, и если противоположный берег реки все еще терялся в серой мути, то здесь утро уже вступило в свои права.

— Перед дождем нас ждет ясное небо, — голос проводника заставил Арвела вздрогнуть от неожиданности. — Правда, ненадолго.

— Этот туман... — Хадден, закашлялся, прочищая горло, — и такое здесь всегда?

— Почему же? — Черныш повернулся в седле и мягко рассмеялся. — Месяц воды пришел, ваша милость. Туман — его неизбежный спутник, который бежит впереди.

— Месяц воды?

— Здесь говорят именно так...

Арвел покачал головой. Широкий плащ из парусины, пропитанной соком дерева филло, лежал в сумке сразу за седлом, так что достать его выходило делом минутным: к давно ожидаемым дождям Хадден подготовился со всей серьезностью. Сапоги на нем были из особой, ненамокающей кожи, да еще и проклеенные в три слоя, перчаток он взял несколько пар, а поля шляпы почти закрывали ему плечи.

[Купить полную версию книги](#)